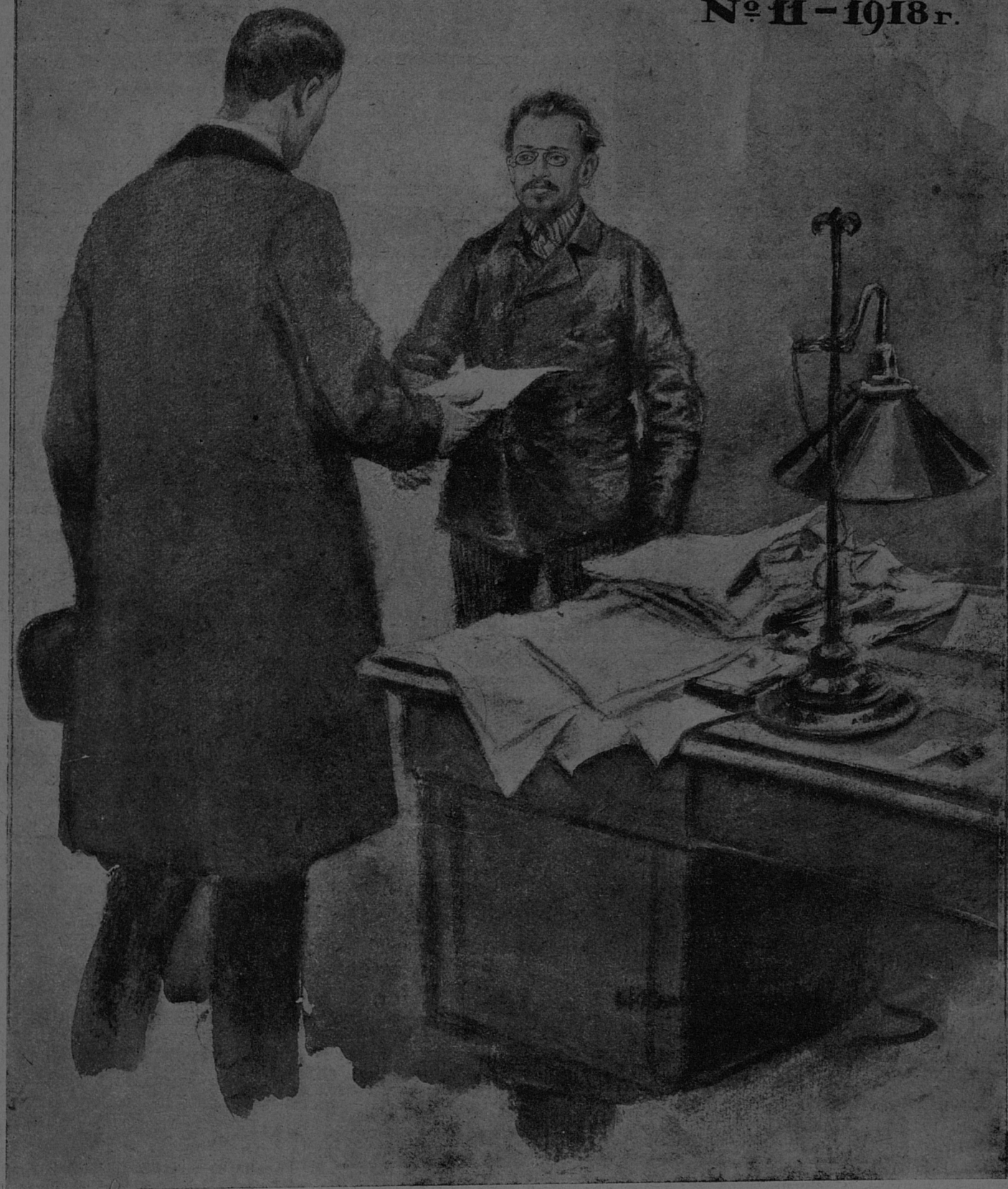

Отдѣльные нумера въ Петръградѣ СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ (75) коп., въ провинціи ВОСЕМЬДЕСЯТЬ (80) коп.,
на станц. жел. дор. 85 коп.

ОГОНЕКЪ

№ II — 1918 г.

Графъ Мирбахъ, посланникъ германскаго правительства при Россійской федера-
лиетической республнкѣ совѣтовъ и при Украинекон радѣ вручаетъ въ Москвѣ
тов. Свердлову, предѣдателью цика совдеповъ, увѣдомленіе канцлера Германской
имперіи о своемъ назначеніи.

Рисунокъ художника журнала „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВА.

ВЫДАЧА „ОГОНЬКА“ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ:

въ типографіи журнала

(Государственная Типографія, Гатчинская, 26, входъ со двора),

въ Невскомъ отдѣленіи конторы „ОГОНЬКА“—Невскій пр., 50

и во временной конторѣ „ОГОНЬКА“ Галерная, 63, кв. 2, комната 4.

1.

Было поздно. Трамваи въ этотъ часъ въ Петроградѣ уже не ходили.

Я вышелъ на площадку вокзала покликать извозчика. Но при мнѣ на «рижскомъ» обтерханномъ выѣздѣ метнулся въ сторону запоздалый пассажиръ, и крылья забавной извозничьей мантии сумрачно метнулись въ туманномъ, распаренномъ, притихшемъ воздухѣ.

Что мнѣ было дѣлать? Остаться на вокзалѣ? Да...

Идти было небезопасно.

Въ столицѣ я не былъ около двухъ недѣль, и мнѣ сопутствовало идиллическое молчаніе песчаныхъ полей, заросшихъ сѣверными криволѣсьемъ. А тутъ, какъ на зло, воздухъ тупо разрывалъ далекіе выстрѣлы да изрѣдка злобѣще и внезапно бахалъ деревянный звукъ выстрѣла совсѣмъ неподалеку—не за стекляннымъ ли павильономъ, гдѣ такъ недавно при мѣдномъ пѣвѣ трубъ плавно двигались къ выходу, утыканному жандармами и согляда-таями, лица царской крови!..

Теперь тамъ, въ канавѣ, за стекломъ, покрытымъ ржавчиной, словно подсохшими пылинками крови, устраиваются на ночлегъ разбойники съ ворованными ружьями, налетчики, волосатые звѣри въ каскеткахъ какихъ-то «безработныхъ» съ эллингтовъ.

Я постоялъ минуту-другую. Поглядѣлъ на часы и разсудилъ такъ, что лучше мнѣ по добру-по здорову вернуться по мраморной покойно-освѣщенной лѣстницѣ наверхъ и попытаться прикурнуть на одномъ изъ жесткихъ дивановъ, за буфетными колоннами.

* * *

Такъ и сдѣлалъ. Сѣлъ. Подмостилъ подъ голову пустой саквояжъ и задремалъ; меня толкнулъ подъ локоть служитель, парень въ малиновыхъ, залосненныхъ кантахъ, и сипло замѣтилъ:

— А здѣсь, господинъ, спать нельзя! Шли бы вы... куда...

Встреппенувшись и подумавъ, что я спалъ минуту, не больше, я машинально спросилъ:

Разстрѣлъ среди улицы.

По разсказу очевидца записалъ А. П.

Рисунки худ. журн. «Огонекъ» И. А. ВЛАДИМИРОВА.

— Куда же мнѣ прикажете идти въ первомъ часу ночи?..

Сторожъ усмѣхнулся и сказалъ:

— Теперь, сударь, четвертый часъ. У насъ не дозволено ночами сидѣть...

— Хорошо!—сказалъ я покорно,—готовъ спуститься внизъ и тамъ подождать зари...

— А это ваше дѣло!

«...А здѣсь, господинъ, спать нельзя! Шли бы вы... куда!...»

Я сошелъ внизъ по гулкимъ мраморнымъ ступенямъ, но тутъ меня встрѣтилъ другой человекъ и, подозрительно озирая меня въ потемкахъ, проворчалъ:

— Вамъ двери открыты? Идите, идите! Поздно! Не велѣно прятать людей.

— Куда же я пойду. До дому—далеко. Извозчиковъ нѣтъ и гостиницы по близости тоже не видать.

— Гостиницы и вѣрно, что нѣтъ,—согласился онъ, сладко зѣвнувъ и при этомъ, перекрестивъ ротъ, молвилъ:

— А вы все же господинъ уходите. Меня шибко изъ-за васъ заругаютъ. Я вамъ створку пріоткрою съ задняго хода, за багажнымъ отдѣленіемъ. Отсюда и совсѣмъ нельзя идти.

— А почему?

— Налетятъ на васъ... вооруженные. Онъ еще разъ зѣвнувъ, и этотъ зѣвокъ почему то меня успокоилъ. Я чувствовалъ въ себѣ дрожаніе нервовъ, словно старое фигурально-глупое сравненіе нер-

вовъ со струнами и въ самомъ дѣлѣ могло осуществиться.

Открывая запыленную дверь, сторожъ крестилъ свой косматый ротъ, и это

утомленное воображеніе.

Какъ только ступилъ за порогъ, рвануло по воздуху, и нѣсколько выстрѣловъ, слившихся въ одинъ ворчащій живой, вздрагивающій комъ, прокатилось гдѣ то за желтыми домами больницы—что насупротивъ.

Первой моей мыслью, или, вѣрнѣй, предчувствіемъ было такое: «Надо прижаться къ стѣнѣ и влипнуть въ нее, да такъ и стоять до утра».

А усталый мозгъ, невыспавшаяся память изъ темныхъ своихъ впадинъ, изъ невѣдомыхъ глубинъ подаетъ:

«Что же? Факель погребальный, Изъ шести досокъ ларець, Саванъ, крестъ, да хоръ печальный,

Вотъ и пѣсенкѣ конецъ»...

Я пошелъ по плитамъ, еще пахшимъ теплотой дня, конями, сбруей, крыльями извозничьихъ пролетокъ.

А мозгъ все подавалъ тѣ же странные строчки. Я попытался вспомнить: что за строчки?..

Да, «Гамлетъ». Копаютъ могильщикъ и надъ заступомъ приговариваетъ:

«Саванъ, крестъ, да хоръ печальный»...

Свернулъ въ глуховатый переулокъ.

Луна мягко перерѣзывала воздухъ и верхней свѣтлой полосой воздуха упиралась въ булыжникъ, и заливала камни грустными, неподвижными могильными своимъ блескомъ.

У нѣкоторыхъ камней верхушки закруглены и голы, какъ черепа... «Черепъ Юрика», — услужливо подаетъ мозгъ.

И сколько ни свѣтитъ луна мертвой синевой, столько вмѣсто закругленныхъ камней—череповъ. Кладбище! Погосты!

Не революція ли, выродившаяся въ убійство вооруженными невооруженныхъ, устала такъ кропотливо всѣ улицы черепами?..

«Саванъ, крестъ, да хоръ печальный», — повторяетъ въ тысячный разъ мозгъ.

См. прод. на 3-ей стр. обложки.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно. Редакция просит фотографов-любителей и профессиональных присылать отчетливые снимки выдающихся событий. Помещенные в журнал фотографии оплачиваются по принятой редакцией расценке.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ОГОНЬКЪ

Годъ изданія 11-й.

Цена „Огонька“
въ розничной продажѣ:
въ Петроградѣ 75 коп.
въ Петроградѣ 80 коп.
на ст. жел. дор. 85 коп.
—
Редакція „Огонька“
Петроградъ, Офицерская ул.
№ 54.

№ 11

Воскресенье, 19 (6) мая 1918 г.

№ 11

Перепечатка литературного, художественного и фотографического материала „Огонька“ безъ полнаго указанія источника воспрещается (законъ 20 марта 1911 г.).

Рис. для „Огонька“ худ. С. ЛОДЫГИНА.

Ты не поймешь цвѣтовъ... Какъ я ихъ понимаю

Ты не поймешь. Но я ихъ такъ люблю...

Когда ихъ стебельки я нѣжно обнимаю,

Я греду вижу хрупкую мою...

Душа моя—цвѣтникъ: изъ красныхъ розъ и лилій,

Изъ радости и слезъ—грѣха и чистоты...

Чужой, ты не поймешь, не напрягай усилій,

Ты не поймешь волшебной красоты.

Александра Будбергъ.

Рассказ ЛЬВА УРВАНЦОВА.

Иллюстрировалъ для „Огонька“ худ. Б. АНТОНОВСКИЙ.

Совершенно неожиданно въ лицѣ нѣкоего Константина Ильича я приобрѣлъ себѣ непримиримаго и злѣйшаго врага.

Говорю вполнѣ чистосердечно, что я не только не хотѣлъ когда-либо обидѣть этого господина, но даже не могу припомнить, сказалъ ли я ему или онъ мнѣ со дня нашего знакомства хоть одно слово.

Я ранѣе встрѣчалъ его у моихъ знакомыхъ, чаще всего у Агаповыхъ, но Константинъ Ильичъ былъ изъ числа тѣхъ сѣренъкихъ людей, которыхъ обыкновенно не замѣчаешь въ обществѣ, и если бы меня кто-нибудь спросилъ, былъ ли наканунѣ въ числѣ гостей Константинъ Ильичъ, я бы затруднился отвѣтить.

Фамиліи я его не помнилъ. Возможно, что и сейчасъ я путаю его имя и отчество. Не ручаюсь за то, что онъ именно Константинъ Ильичъ, а не Илья Константиновичъ.

Я бы не могъ описать его внѣшности и сказать, сколько ему лѣтъ. Я ничего не зналъ о немъ. Не зналъ, чѣмъ онъ занимается, женатъ ли онъ и вообще что онъ собою представляетъ.

Словомъ, этотъ господинъ въ моей жизни до настоящаго времени не игралъ никакой роли и я его просто напросто не замѣчалъ.

Но вотъ однажды... это было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ... утромъ я получаю письмо и не по почтѣ, а черезъ швейцара. Письмо написано на машинкѣ. Привожу его полностью:

«Я надѣялся, что вчера вы посѣтите меня и объясните мнѣ сказанныя вами слова на вечерѣ у Агаповыхъ. Но, увы, надежды мои не оправдались. Думаю, что вы захотите исправить свою ошибку и придете ко мнѣ. Я всегда дома отъ 6 до 8 часовъ вечера. Даю вамъ срокъ три дня. Письмо скопировано».

Подпись не разборчива. Въ углу письма дата и адресъ.

Если бы не было на конвертѣ и послѣ словъ «милостивый государь» моего имени, я подумалъ бы, что это письмо ошибочно доставлено мнѣ.

Понять смыслъ этого страннаго письма я не могъ.

Первымъ долгомъ я задумался, кто именно мнѣ написалъ такое письмо.

Смотрѣлъ я на подпись и такъ, и сякъ, смотрѣлъ въ луну и ничего не могъ дойти. Такъ и осталось для меня неяснымъ, отъ кого была послана мнѣ угроза за мои неосторожныя слова.

Сталъ тогда я припоминать, что было на вечерѣ у Агаповыхъ и что я тамъ говорилъ.

«...Смотрѣлъ я на подпись и такъ, и сякъ, смотрѣлъ въ луну и ничего не могъ дойти...»

Какъ будто, ничего особеннаго не было.

Набралось у нихъ гостей, по обыкновенію, человѣкъ двадцать. Одни играли въ карты, другіе, болѣе молодые, пропѣли въ гостиную. Слушали музыку. Одна барышня, консерваторка, прелестно играла на рояли. Потомъ оживленно бесѣдовали на разные темы. Трудно даже установить, что было предметомъ разговора. Шутили, смѣялись, острили. Особенно была въ духѣ дочь хозяйки дома, хорошенькая Лидочка, съ которой у меня установились самыя милыя, дружескія отношенія.

Она не была лишена тонкаго ума, несмотря на то, что любила искренно посмѣяться, пошархотать и подразнить. Всѣ изъ молодыхъ людей, кто бывалъ у Агаповыхъ, были поклонниками Лидочки.

Особенно весело было за ужиномъ.

Я тоже со всѣми смѣялся, принималъ дѣятельное участіе въ общемъ разговорѣ и не могъ припомнить, чтобы сказалъ что-либо обидное для кого-нибудь изъ гостей.

Какъ я ни ломалъ голову, не былъ въ силахъ припомнить, кто именно могъ на меня обидѣться. И, главное, дѣло, за что.

Какъ будто, за ужиномъ хозяйка дома, увидѣвъ пустое мѣсто за столомъ, сказала, что кто-то ушелъ.

Не ушелъ - ли тотъ самый господинъ, который за что-то обидѣлся на меня?

Я сталъ рыться въ памяти, тщетно нѣсколько разъ перебиралъ всѣхъ гостей, мнѣ показала, я постукалъ.

возстановлялъ разговоръ и, промаявшись такимъ образомъ нѣсколько часовъ, все-же не могъ придти ни къ какому выводу. Кого я могъ обидѣть?

Въ концѣ концовъ, я разсердился на самого себя, что вмѣсто спѣшной и интересной работы отдалъ столько времени этому глупому письму.

Я хотѣлъ было бросить это письмо въ

корзину и вообще не придавать ему никакого значенія, но мнѣ вдругъ стало какъ-то неловко. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ я невольно обидѣлъ человѣка, чѣмъ нибудь задѣлъ его самолюбіе, и вотъ онъ сейчасъ отъ этого страдаетъ и ждетъ удовлетворенія въ смыслѣ нравственнаго успокоенія.

И, когда стрѣлка часовъ стала приближаться къ шести, я рѣшилъ посѣтить неизвѣстнаго мнѣ господина по указанному имъ адресу.

На дощечкѣ, прибитой къ парадной двери, стояла совсѣмъ неизвѣстная мнѣ фамилія.

Я все-же позвонилъ.

Отворила прислуга.

— Вамъ кого?

Я затруднился отвѣтить на этотъ вопросъ. Я не зналъ, къ кому я пришелъ. Это было необычайно глупо и нелѣпо. Пришлось кое-что объяснить прислугѣ.

— Видите-ли, — началъ я осторожно, — я получилъ приглашеніе явиться въ эту квартиру, но не знаю, отъ кого. Мнѣ было даже назначено время, именно, отъ шести до восьми. Вотъ я и пришелъ.

— Можетъ быть, къ нашему жильцу? — спросила горничная.

Я обрадовался.

— Должно-быть, къ нему.

— А какъ о васъ сказать?

Я назвалъ свою фамилію. Дѣвушка попросила меня «минуточку» подождать и исчезла. Вскорѣ она вернулась.

— Пожалуйте вотъ сюда.

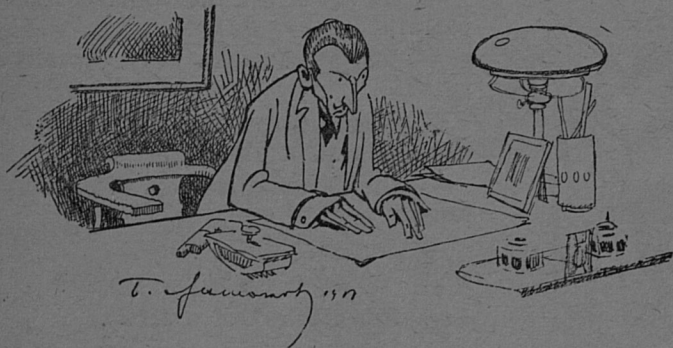
Я снялъ пальто и послѣдовалъ за

«...Вамъ кого?...»

— Войдите,—услыхалъ я рѣзкій и неприятный голосъ.
Вошелъ.

— Охотно.
— И просите у меня прощенія?
— Прошу.

«Ему было лѣтъ подъ тридцать, не болѣе...».

Большая комната, довольно недурно обставленная. Письменный столъ. И за нимъ сидѣлъ тотъ самый господинъ, котораго я не зналъ навѣрно, какъ зовутъ—Константиномъ Ильичемъ или Ильей Константиновичемъ.

«Такъ вотъ кого я обидѣлъ!» невольно подумалъ я, дѣлая вѣжливый поклонъ.

Онъ не только не привсталъ съ своего кресла, но даже отвѣтилъ мнѣ кивкомъ головы довольно небрежно.

Это меня удивило. Здорово, значитъ, я его оскорбилъ.

Онъ поднявъ на меня голову и смотрѣлъ въ мое лицо такъ зло, такъ уничтожающе, что я чуть не разсмѣялся. Несмотря на грубый приемъ, на отсутствіе понятій у этого господина самыхъ элементарныхъ правилъ вѣжливости, мнѣ все — и онъ самъ и его обращеніе — показались донельзя смѣшнымъ.

Константинъ Ильичъ даже не предложилъ мнѣ сѣсть.

Хорошаго такой приемъ ничего не предвѣщалъ.

Мы молча смотрѣли другъ на друга. Я старался быть вполне корректнымъ и тактичнымъ и принялъ видъ официального посѣтителя.

За эти секунды молчанія я впервые рассмотрѣлъ Константина Ильича. Ему было лѣтъ подъ тридцать, не болѣе. Худой, но въ мѣру, съ острымъ носомъ и острой бѣлесоватой бородкой. Волосы на головѣ были зачесаны назадъ и сильно прилизаны. Глаза довольно злые, но безцвѣтные, неприятные. Вообще онъ былъ весь сѣрый, безцвѣтный, ничѣмъ не выдающійся. Такихъ лицъ и фигуръ вездѣ и всюду двѣнадцать на дюжину.

Тутъ я вспомнилъ, что, дѣйствительно, встрѣчалъ этого господина много разъ не только у однихъ Агаповыхъ, но и у другихъ моихъ знакомыхъ. Но я никогда не обращалъ на него вниманія. Если-бы онъ молчалъ въ обществѣ и забирался въ уголь, я бы навѣрно обратилъ на него вниманіе, но онъ какъ-то сливался съ другими гостями и настолько, что совершенно въ нихъ «растворялся», не оставляя въ памяти и слѣда.

Больше о немъ я ничего не могъ сказать.

Наконецъ, онъ заговорилъ первый.

— Что-же, вы, дѣйствительно, желаете предо мной извиниться?

Я отвѣтилъ съ серьезнымъ видомъ:

разсердила. Напротивъ, я съ трудомъ удерживалъ смѣхъ.

— Очень извиняюсь,—сказалъ я особенно вѣжливо,—если я помѣшаю вамъ, но мнѣ хотѣлось-бы задать вамъ два вопроса. Хотя предупреждаю, совершенно праздныхъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ Константинъ Ильичъ грубо и даже не повернувъ ко мнѣ головы.

Въ этотъ моментъ я увидалъ, что рядомъ съ его бумагами лежалъ револьверъ.

— Я-бы желалъ знать,—спросилъ я довольно мягко,—за что, въ сущности, вы обидѣлись на меня у Агаповыхъ?

Константинъ Ильичъ вскочилъ съ своего кресла, какъ будто кто-то сзади ткнулъ его двумя пальцами въ бока. Онъ сильно покраснѣлъ отъ злости.

— Какъ?. Вы не знаете, чѣмъ вы меня оскорбили?—крикнулъ онъ.

— Чистосердечно каюсь, что не знаю.

— Тогда, въ чемъ-же вы передо мной извинялись?

— Въ томъ, что я васъ обидѣлъ.

Онъ смотрѣлъ на меня удивленными глазами и глупо моргалъ, стараясь сообразить, серьезно я говорю или шучу.

— Это новая дерзость!—вскричалъ онъ.

— Нисколько. Мнѣ было очень жаль, что я васъ чѣмъ-

то обидѣлъ, и я у васъ попросилъ прощенія.

А теперь, разъ вы меня такъ велико-

душно простили, я попросилъ васъ выяснитъ мнѣ, чѣмъ я могъ васъ обидѣть. Мнѣ кажется, что все это вполне ясно.

Мои доводы были настолько убѣдительны, что Константинъ Ильичъ даже какъ-будто нѣсколько успокоился.

— Вотъ что, милостивый государь,—вдругъ вскрикнулъ онъ,—мнѣ кажется подлостью издѣваться въ обществѣ надъ кѣмъ-нибудь, въ особенности въ присутствіи барышень, на которыхъ имѣешь виды.

— Съ этимъ я вполне согласенъ.

Константинъ Ильичъ оторопѣлъ, растерялся.

— Позвольте, милостивый государь,—но вы сами издѣвались надо мной и, добавлю, крайне неприлично...

— Ничего подобнаго не было, и вы напрасно стараетесь найти причину для обиды.

— А какъ-же вы это назовете?

— Что именно?

— Ваши слова?

— Какія?

— Вы позволили себѣ не только осмѣять меня, но даже задѣть мою фамилію.

При этомъ Константинъ Ильичъ добавилъ, что его фамилія старинная, дворянская, записанная въ шестую книгу, имѣетъ гербъ и пр. и пр.

Онъ волновался, размахивалъ руками, нѣсколько разъ ударилъ зачѣмъ-то по столу кулакомъ, видимо для большей убѣдительности, а я слушалъ его съ большимъ терпѣніемъ и далъ ему окончить его длинную, ненужную рѣчь. И только, когда онъ весь «выдохся», я произнесъ:

— Какъ разъ я хотѣлъ васъ спросить... Каюсь, по своей разсѣянности и забывчивости, я до сихъ поръ не имѣю удовольствія знать вашей фамиліи?

— Это уже издѣвательство!

Онъ чуть не упалъ въ обморокъ, такъ показались ему обидными мои слова. Онъ даже протянулъ руку къ столу и шарилъ по немъ, видимо желая взять револьверъ.

— Даю вамъ честное слово, что мнѣ ни разу не пришлось слышать вашей фами-

«...Константинъ Ильичъ вскочилъ со своего кресла...».

миліи. Я всегда слышалъ только ваше имя. Его я хорошо помню. Вы—Константинъ Ильичъ.

— Вовсе я не Константин Ильич. Откуда вы это взяли? Меня зовут Илья Кондратьевичем.

— Ах... да.. да. Я именно и хотѣлъ сказать Илья Кондратьевичъ...

И я вполне мирно сказалъ:

— Видите, какъ все просто объясняется, и вамъ вовсе не было оснований на меня такъ сердиться.

Но Илья Кондратьевичъ не только не успокоился, но пришелъ еще въ большую ярость. И чѣмъ я былъ спокойнѣе, тѣмъ онъ еще сильнѣе горчился и не помнилъ, что онъ говорилъ.

— Я все-же до сихъ поръ не знаю, какъ ваша фамилія.

— Пирожковъ... Поняли вы?.. Пирожковъ.

— Очень радъ,—сказалъ я и хотѣлъ уже уйти.

Откровенно говоря, вся эта сцена мнѣ уже надоѣла и я хотѣлъ выйти на воздухъ, чтобы немного освѣжиться отъ этого кошмарнаго визита.

Но Илья Кондратьевичъ не далъ мнѣ уйти. Онъ загородилъ мнѣ дверь.

— Нѣ...тъ!.. Такъ я васъ не отпущу!

— Что-же вамъ еще надо?

Изъ бессмысленнаго набора словъ, которыя мнѣ пришлось услышать, я себѣ могъ выяснитъ слѣдующее:

Несомнѣнно, Илья Кондратьевичъ былъ не только влюбленъ въ Лидочку, но имѣлъ на нее виды. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что не получитъ отказа. Во первыхъ, онъ очень хорошей фамиліи. Дворянинъ. Во вторыхъ, Лидочкѣ извѣстно, что у него есть богатый дядя, который обѣщалъ ему все оставить послѣ себя. Въ третьихъ, онъ пользуется благоволеніемъ начальства и ожидаетъ со дня на день повышенія. И вдобавокъ ко всему, самъ Илья Кондратьевичъ находить, что онъ довольно красивъ и уменъ.

— А я всталъ ему на дорогѣ. И самъ не женюсь на Лидочкѣ, и стараюсь другимъ сдѣлать «пакость».

Вотъ я ему и сдѣлалъ «пакость» и даже чуть-ли не разстроилъ все уже налаженное. И все произошло отъ того, что я посмѣялся надъ нимъ и поставилъ его въ смѣшное положеніе, послѣ котораго Лидочка, навѣрно, ему откажетъ.

Оказывается, что я на вопросъ Лидочки, на что похожи женихи, отвѣтилъ, что на «пирожки съ вареньемъ». Это было какъ разъ намекъ на его фамилію—Пирожковъ.

— Ясно.. вполне ясно, что это было сказано про меня. Женихъ состоитъ изъ тѣста, а вмѣсто сердца у него варенье. Это вы сказали.

Я припомнилъ. Дѣйствительно, я такъ сказалъ. Но это было сказано мною такъ... между прочимъ, безъ особаго желанія сказать что-либо остроумное, только ради шутки, вполне подходящей къ общему тону разговора, къ легкому перебарыванію словъ. Пустая шутка и больше ничего.

Оказывается, Лидочка подхватила это словцо и тихо сказала Пирожкову:

„...Онъ загородилъ мнѣ дверь...“

— Вотъ вы настоящій пирожокъ съ малиновымъ вареньемъ.

Для меня было ясно, что Лидочка ни капли не интересовалась этимъ господиномъ и, если бы онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ ей предложеніе, она бы расхохоталась ему въ глаза. Такъ было это нелѣпо.

Мнѣ пришлось убѣдить Илью Кондратьевича, что онъ придалъ шуткѣ совсѣмъ превратное толкованіе и что вся исторія, поднятая имъ, не стоитъ и выѣденнаго яйца.

— Вотъ видите, Илья Кондратьевичъ, изъ-за пустяковъ, сколько вы надѣлали глупостей.

— Какъ глупостей?—опять вскипѣлъ онъ.

— А какъ-же вы иначе назовете вашъ поступокъ?

— Значитъ, по вашему, я глупъ?

— Несомнѣнно,—отвѣтилъ я просто.

— Можетъ быть вы еще скажете, что я дуракъ?

— Сказать, не скажу, но подуматъ такъ въ вправѣ.

— Я васъ убью!

— Напрасно. Отъ этого вы не поумнѣете. Самое лучшее, Кондратій Ильичъ...

— Илья Кондратьевичъ...

— Извиняюсь... Такъ самое лучшее, что вы сдѣлаете, если всю эту исторію предадите забвенію.

— А вы о ней не будете никому болтать?

— Никому. Клянусь вамъ. Даже Лидочкѣ.

Я ушелъ. Около парадной двери онъ меня догналъ и рѣзко спросилъ:

— Вы не отказываетесь отъ вашихъ словъ?

— Какихъ?

— Что я, по вашему... дуракъ?

— Это мое мнѣніе о васъ...

— Тогда вы обо мнѣ еще услышите!

* * *

Я думалъ, что эта глупая исторія кончилась. Я никакъ не ожидалъ, что она разрастется въ полный скандалъ.

Виною отчасти была Лидочка.

Моя ошибка заключалась въ томъ, что я долженъ былъ обо всемъ рассказать Лидочкѣ, но я промолчалъ о своемъ визитѣ къ Пирожкову, такъ какъ далъ ему слово молчать.

На послѣднемъ вечерѣ у Агаповыхъ Пирожкова не было. Онъ явился почему-то утромъ, когда никого изъ гостей не бывало и пожелалъ съ Лидочкой поговорить. Объ этомъ визитѣ мнѣ Лидочка рассказала въ тотъ-же вечеръ.

Пирожковъ долго говорилъ о своей фамиліи, о богатомъ дядѣ, о благоволеніи начальства и, между прочимъ, очень развивалъ мысль, что каждый порядочный молодой человѣкъ долженъ обзавестись семей.

— Было похоже на то, что онъ собирается сдѣлать мнѣ предложеніе,—сказала мнѣ Лидочка.

Ей это показалось настолько смѣшнымъ, что она разсмѣялась и какъ разъ не во время вспомнила мое словцо.

— Вы сейчасъ особенно похожи на пирожокъ съ вареньемъ.

Нить разговора оборвалась. Пирожковъ вспыхнулъ и ни съ того, ни съ сего сталъ бранить меня, не стѣняясь въ выраженіяхъ. Лидочка заступилась за меня. Произошла непріятная сцена.

— Я вообще не желаю больше встрѣчаться съ этимъ господиномъ,—заявилъ Пирожковъ.

— Это вполне отъ васъ зависитъ,—отрѣзала Лидочка.

— То есть какъ это? Вы его предпочитаете мнѣ?

— Еще бы,—отвѣтила Лидочка.

„Пирожковъ долго говорилъ Лидочкѣ о своей фамилии, о богатомъ дядѣ, о благоволеніи начальства...“

Пирожковъ, весь горя отъ гнѣва, ушелъ. Мать Лидочки придала этому серьезное значеніе, но я съ Лидочкой хохотали надъ глупостью Пирожкова.

И я снова забыл о Пирожковѣ. Такъ былъ присланъ ко мнѣ Пирожковымъ, онъ мнѣ надѣлъ.

На другой день я получилъ отъ Пирожкова довольно-таки толстое письмо. Я его.

«...Какъ?! Вы отказываетесь отъ дуэли?!...».

не распечатывая, послалъ обратно. Разсчитывалъ на то, что онъ мнѣ больше не будетъ писать.

Письмо опять вернулось вмѣстѣ съ другимъ. Я ихъ отложилъ въ сторону.

На слѣдующій день то же самое. По два, по три письма въ день. Хотя были измѣнены и форма конвертовъ, и почерки, и письма мнѣ посылались и по почтѣ, и съ обратной роспиской, и черезъ швейцара, но я какъ-то догадывался и ни разу не попался на удочку. У меня накопилась этихъ писемъ цѣлая груда.

Видя бесполезность въ писаніи мнѣ писемъ, Илья Кондратьевичъ попробовалъ позвонить мнѣ по телефону.

— Вы получили мои письма?

— Да. Благодарю васъ. Только я ихъ, не читая, откладываю. Прочту, когда у меня будетъ больше свободного времени.

Повѣсилъ трубку.

Черезъ нѣсколько времени опять звонокъ. Опять Пирожковъ.

— Я васъ вызываю на дуэль.

— Ахъ, пожалуйста.

Начались безконечные звонки по телефону. И между чисто дѣловыми разговорами, совался переговорить и Пирожковъ. Если я сразу узнавалъ его голосъ, я вѣшалъ трубку, но онъ сталъ маскировать свой голосъ и неожиданно выпаливалъ дерзость или требованіе отвѣтить ему на его вызовъ.

— Вы мнѣ надѣли!

Грѣшнымъ дѣломъ, однажды я даже послалъ его къ чорту. Но ничего не помогало. Я поручилъ говорить по телефону своей горничной и вызывать меня, но и эта хитрость не удалась. Пришлось снять трубку.

Дня черезъ два я снова положилъ на мѣсто трубку и какъ будто это мѣра была лучшей. Больше не раздавалось звонковъ отъ Пирожкова.

Но зато Пирожковъ выбралъ еще новый способъ сбѣясниться со мной.

Ко мнѣ явился какой-то отставной полковникъ. Я, не подозрѣвая, что онъ

былъ присланъ ко мнѣ Пирожковымъ, его принялъ.

— Вотъ вамъ письмо, — сказала полковникъ, передавая мнѣ конвертъ.

— Отъ кого? — спросилъ я, чувствуя въ этомъ ловушку.

— Прочтите и увидите.

— Это не отъ господина Пирожкова?

— Посмотрите.

Я взялъ всѣ письма Пирожкова и чуть не силой всунулъ ихъ полковнику.

— А теперь уходите и скажите Пирожкову, чтобы онъ мнѣ больше не надѣдалъ.

— Онъ васъ вызываетъ на дуэль.

— Пусть вызываетъ, сколько хочетъ.

— Какъ?! Вы отказываетесь отъ

дуэли?!

— Передайте ему, что онъ дуракъ. Вотъ мой отвѣтъ.

Полковникъ, обидѣвшись, ушелъ.

Затѣмъ

явилась дама. То же отъ Пирожкова. Итоже съ письмомъ.

— Извините меня за вопросъ, сударыня. Сколько вамъ далъ Пирожковъ, чтобы вы

вручили мнѣ письмо?

Дама сконфузилась.

— Вотъ вамъ десять рублей, только верните ваше письмо господину Пирожкову.

Дама, очень довольная подачкой, ушла, горячо разсыпаясь въ благодарностяхъ.

Этого для Пирожкова было мало. Онъ писалъ письма всѣмъ моимъ знакомымъ, Агаповымъ, моему дальнему родственнику и даже въ то общество, гдѣ я работалъ.

Исторія разрасталась. О ней уже знали всѣ.

Илья Кондратьевичъ пытался проиникнуть ко мнѣ, но я его не принялъ.

Я жилъ на Московской улицѣ, близъ Разъѣзжей, и мнѣ приходилось послѣ

засѣданій возвращаться домой по вечерамъ мимо рынка. При поворотѣ съ Николаевской на Разъѣзжую я обратилъ вниманіе, что за послѣднее время какая-то тѣнь постоянно шла за мной и оставляла меня только у моего дома.

А дня два тому назадъ эта тѣнь неожиданно подбѣжала ко мнѣ и я почувствовалъ ударъ въ спину. Я обернулся. Тѣнь отскочила отъ меня въ сторону.

— Я васъ оскорбилъ, — услышалъ я голосъ Пирожкова. — Теперь вы не можете отказаться отъ дуэли.

Я разсмѣялся.

— Въ спину ударяютъ только трусы и хулиганы, — спокойно отвѣтилъ я.

— Ну считайте, что вы получили въ лицо.

— Этого я не могу считать.

Пирожковъ меня снова догналъ и схватилъ за рукавъ. Я отмахнулся, но настолько неосторожно, что свалилъ Пирожкова съ ногъ.

— Можете считать, что я васъ на дуэли побилъ.

И спокойно пошелъ дальше.

А вчера, возвращаясь домой тѣмъ же путемъ, я увидаль, что Пирожковъ снова слѣдитъ за мной. Онъ то прятался у стѣны рынка, то выходилъ на троттуаръ.

Когда я проходилъ мимо рынка, вдругъ раздался выстрѣлъ.

Въ этотъ моментъ я не подумалъ о самомъ себѣ. Я испугался за Пирожкова. Невольно бросился къ нему.

Когда я перебѣгалъ улицу, раздался второй выстрѣлъ. Я видѣлъ стоящую фигуру Пирожкова и мигомъ, очутившись около него, выбилъ тростью револьверъ и схватилъ его за руку.

— Идемте... Скорѣе...

— Куда? — съ трудомъ выговорилъ Пирожковъ.

— Не разсуждайте...

Я успѣлъ поднять револьверъ и, крѣпко вцѣпившись въ руку Пирожкова, тащилъ его съ собой.

Появились испуганные люди.

«...Я отмахнулся, но настолько неосторожно, что свалилъ Пирожкова съ ногъ...».

Со всѣхъ сторонъ бѣжали въ нашу сторону. Я чуть не первый кричалъ:

— Гдѣ это стрѣляютъ?.. Откуда вы стрѣлы?..

Словомъ, тоже принималъ со всѣми нош. Я прошелъ въ спальную, при- дѣтельное участіе узнать причину несъ ваты и, засучивъ брюки и часть выстрѣловъ.

все самое необыкновенное. Если бы не мечты, нечѣмъ было бы жить душѣ. Въ Винницкой слободѣ какая же жизнь!

Учить шаловливыхъ ребятишекъ, ковыляющихъ въ школу на кривыхъ ножонкахъ и лепечущихъ что то о томъ, какъ «вотъ подрался Богъ съ Іаковомъ», и «вотъ сидѣлъ Іона во чревѣ кита», и «вотъ лиль дождь одинъ день сорокъ дней и сорокъ ночей, и другой день и третій, и сдѣлался отъ этого на землѣ всемир- ный потопъ»...

Или слушать, какъ кума Олеся, въ домѣ у которой панна Аннеля снимала комнату, ворчитъ на мужа, Антона Кульбабу за то, что кто то страхиаетъ у него подъ носомъ каждый годъ всѣ яблоки съ кривой яблоньки, а Антонъ Кульбаба меланхолически сосетъ люльку и отвѣчаетъ съ разстановкой. — Що жъ съ того, що трусивъ? Мабудь, на свѣтѣ того человека не мае, що бѣ не трусивъ той яблоньки?... Винъ трусивъ, а я въ отвѣтъ? Отъ це жъ, дурья голова! Отченись!

Или ходить въ гости къ почтмейстеру Лишенко, у котораго вѣчно подвизана чернымъ фуляромъ щека, который бренчитъ ва гитарѣ и заунывно тянетъ:—

А все жъ черезъ очі,
Коли бѣ я ихъ мавъ!
За ціи карі очі
Душу бѣ я видавъ!...

Очень нужна паннѣ Аннелѣ его душа! А что до очей, такъ очі у нея совсѣмъ не каріе, а сѣрые и... ахъ, да не все ли равно, какіе у кого очі? Кто ихъ видитъ? Кто полюбуется ими въ Винницкой слободѣ, гдѣ тинутся такіе тусклые дни и гдѣ каждый бой часовъ колючей болью отзывается въ душѣ: прошелъ еще одинъ часъ и не принесъ ничего, ничего, ничего!... Прошелъ и никогда въ жизни не повторится...

А что отъ него взято? Ну что!

* * *

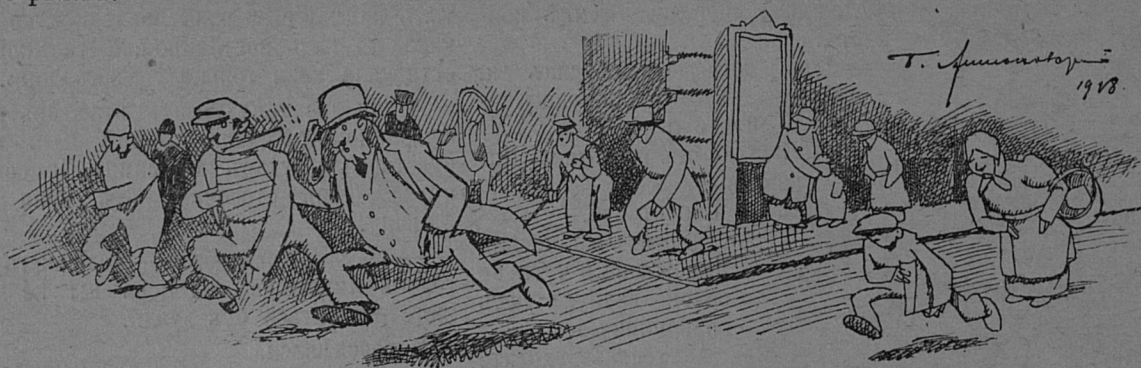
Разъ какъ то, на вербной недѣлѣ прискакали въ слободу какіе то верховые и приказали отвести подъ лазаретъ лучшую хату, а въ другихъ хатахъ — сказали, — нужно размѣстить санитарный отрядъ.

Верховые заглянули и къ Антону Кульбабѣ, походили по комнатамъ, записали что то на бумажкѣ и уѣхали.

Вечеромъ кума Олеся ураганомъ носилась взадъ и впередъ, что то обметая, что то приколачивая, что то прибирая...

Антонъ Кульбаба меланхолически шуриса на нее и посасывалъ люльку.

Паннѣ Аннелѣ онъ сказалъ, что у нихъ поселятся два пана доктора и проживутъ тутъ недѣли двѣ, а можетъ быть, и больше, и еще прибавилъ, что паны доктора будутъ довольны сосѣдствомъ такой «зірочки», какъ панна Аннеля...

«... Со всѣхъ сторонъ бѣжали въ нашу сторону...»

Вскорѣ мы вышли изъ толпы и уже шли, не торопясь къ моему дому, встрѣчая бѣгущихъ людей.

— Что тамъ случилось?

— Не знаю. Кто-то стрѣлялъ.

Около крыльца моего дома, я сказалъ Пирожкову.

— Пройдемте ко мнѣ.

Видимо, послѣ стрѣльбы у Пирожкова наступила сильная реакція, и онъ вдругъ сталъ какимъ-то вялымъ, безвольнымъ. Онъ покорно послѣдовалъ за мной.

Въ столовой для меня былъ приготовленъ ужинъ и, какъ только я вошелъ, прислуга подала самоваръ. Я прислугу тотчасъ отослалъ, сказавъ, что мнѣ больше ея не надо.

Пирожковъ тотчасъ, какъ вошелъ, опустился на стулъ и поникъ головой. Я далъ ему небольшую стаканъ мадеры. Онъ послушно выпилъ.

— Отдайте мнѣ револьверъ! — тихо произнесъ онъ.

— Зачѣмъ?

— Я застрѣлюсь.

— Вы сейчасъ хотите стрѣляться или потопъ?

— Сейчасъ.

— Успѣете.

Отъ ужина онъ отказался. Я ему налилъ чаю. Онъ машинально мѣшалъ ложечкой, боясь взглянуть мнѣ въ глаза.

Тутъ только я почувствовалъ въ ногъ какую-то неприятную

трико, сталъ промывать рану. Она была небольшая, какъ царапина.

— Да ничего!

— Вы, пожалуй, скажете...

— О, нѣтъ! По моему, лучше объ этомъ молчать.

— Я хотѣлъ сказать, какъ вы меня назовете...

— Не все ли вамъ равно, что я про васъ скажу.

— Дуракомъ?...

— Да. Теперь я это могу вамъ сказать прямо въ глаза. На этомъ, я надѣюсь, мы и помиримся.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? — какъ-то странно проговорилъ Пирожковъ.

И я протянулъ Пирожкову руку.

Онъ отъ души мнѣ ее пожалъ...

Левъ Урванцовъ.

Такъ случилось.

Разсказъ Е. РУССАТЪ.

Монастырь стоялъ на горѣ, а по скату ползли кусты боярышника, терновника и зеленѣли пышные каштаны. Было ихъ такъ много, что лѣтомъ горный скатъ казался сплошь затянутымъ зеленой кисеей.

Зимой же, засыпанные снѣгомъ стояли они, торжественные и важные, точно бѣлые призраки и блестѣли подъ луной, какъ будто кто то рассыпалъ по вѣткамъ горсть аквамариновъ и мелкихъ бриллиантовъ.

Изъ монастыря тихо плылъ колокольный звонъ; плылъ надъ рѣкой, закованной въ голубой ледъ, надъ снѣжными оврагами, надъ бѣлыми хатками съ расписными ставнями, надъ темнымъ таинственнымъ боромъ.

И была въ этомъ звонѣ покорная, кроткая и печальная молюба, которую ангелы несли на бѣлыхъ крыльяхъ къ звѣздному небу.

Впрочемъ, про ангеловъ это, можетъ быть, только казалось...

Да и казалось то, пожалуй, одной только паннѣ Аннелѣ, учительницѣ изъ Винницкой слободы. Панна Аннеля была мечтательница и любила придумывать

«...Онъ отъ души мнѣ ее пожалъ...»

рѣжущую боль. Я невольно провелъ рукой по ногѣ, и, когда поднялъ руку она была въ крови.

Пирожковъ, замѣтивъ это, струсилъ. Задрожалъ, какъ испуганный мыше-

1 МАЯ въ ПЕТРОГРАДѢ 1918 г.

Украшенія города въ день пролетарскаго праздника: 1) Городская дума; 2) Гостиный дворъ; 3) Замній дворецъ; 4) Штабъ округа; 5) Главный штабъ; 6) Публичная бібліотека.

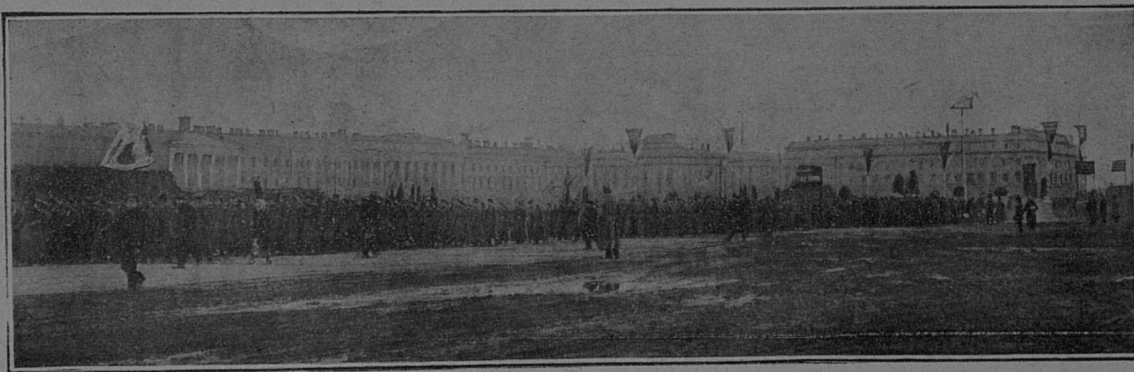
парадъ незначительному сравнительно количеству вновь сформированныхъ красноармейскихъ отрядовъ, находящихся на службѣ у совѣтскаго правительства. Съ внѣшней стороны площади и улицы были «украшены», по выраженію А. В. Луначарскаго, въ рѣчи, произнесенной въ домѣ красной арміи, «талантливой художественной молодежью». Фактически выбѣжали на свѣтъ Божій изъ закоулковъ мизерныхъ и убогихъ выставокъ разные футуристы и кубисты. На большинство проходившихъ по улицамъ «художественные плакаты» производили впечатлѣніе крикливой наглости и художественнаго ничтожества. По опредѣленію даже самого комиссара народнаго просвѣщенія А. В. Луначарскаго, «убранство площадей и улицъ, можетъ быть, не всѣхъ удовлетворяетъ, и оно, дѣйствительно, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ величественности момента»...

Въ виду отсутствія народа, какъ говорятъ, не состоялось и множество отдѣльныхъ символическихъ зрѣлищъ (сожженіе троновъ, появленіе колесницъ стараго и новаго міровъ и т. п.). Знаменъ профессиональныхъ союзовъ, дорожащихъ своей самостоятельной классовой организаціей, почти что не было, не было видно обуховцевъ, рабочихъ экспедицій заготовленія государственныхъ бумагъ и рабочихъ другихъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ. Эсъ-эры, работающіе въ арсеналѣ, собрались у воротъ завода со знаменемъ: «Да здравствуетъ Учредительное Собраніе!», рабочіе патроннаго завода со знаменемъ: «Долой Брѣтскій позоръ!», но въ послѣднюю минуту рабочіе свернули свои знамена и воздержались отъ участія въ шествіи.

Даже Выборгская сторона—эта сѣдая цитадель боевого большевизма—и та не поддержала, не выручила. И здѣсь царилъ апатія, и рабочіе шли неохотно—при обиліи старыхъ и новыхъ знаменъ людей было очень мало.

На немногочисленныхъ знаменахъ красноармейцевъ-анархистовъ красовалось: «Долой ставленниковъ совѣтской власти!», «Да здравствуетъ выборное начало красной арміи!» и «Да здравствуетъ анархія!».

ДЕНЬ 1 МАЯ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ. — Въ центрѣ торжествъ, на Маревомъ полѣ, у могилъ жертвъ февральской революціи.

Около 10 час. утра.

На утро за тоненькой деревянной переборкой слышались мужские голоса. Одинъ изъ нихъ громко запѣлъ:

«Оружіемъ на солнцѣ сверкая,
Подъ звуки лихихъ трубачей»...

Другой голосъ испуганно цыкнулъ, — и пѣвшій примолкъ.

Но панна Аннеля уже проснулась. Мысль помчалась туда, за деревянную переборку, гдѣ слышались осторожные шаги и куда внесли кусочекъ какой то своей, новой и незнакомой, жизни какіе то новые и незнакомые люди, которымъ, можетъ быть, суждено стать близкими... Можетъ быть!...

Голосъ, тотъ самый, который пѣлъ, сказалъ негромко, очевидно отвѣчая на чей то вопросъ:

— Нѣтъ, все равно. Пусть будетъ такъ, какъ случится. Я люблю неожиданно-сти... А рѣшать заранѣе не надо...

У Аннели съ чего то радостно забилося сердце. — Пусть будетъ такъ, какъ случится... Ахъ, въ ея жизни не случилось ровно ничего и не было никакихъ неожиданностей, но вѣдь, можетъ быть, онѣ еще будутъ, будутъ...

Мимо дома прошелъ почтмейстеръ Лищенко съ завязанной щечкой и съ любопытствомъ заглянулъ въ окна.

Панна Аннеля подумала досадливо: — «Тутъ, какъ тутъ! Пришелъ посмотрѣть на новыхъ гостей... Еще бы, — соперники!»

Но досада вдругъ растаяла, и сердце снова застучало радостно и весело, въ предчувствіи какихъ то неожиданностей, которыя будутъ же, будутъ!..

* * *

Уже въ сумеркахъ, выйдя на крылечко, чтобы послушать тихій монастырскій звонъ, панна Аннеля увидѣла двѣ фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ, подымавшіяся на ступеньки и приостановившіяся, чтобы пропустить ее.

Потомъ голосъ, уже знакомый, проговорилъ:

— Кажется, мы сосѣди. Давайте познакомимся: докторъ Дорль.

Другой голосъ кратко отрекомендовался:

хатки казалось душно, какъ въ парникѣ. Разгорѣлось лицо и заблестѣли глаза... Стало безпричинно весело, и когда раздался бой часовъ, то ужъ не мелькнула мысль, что вотъ и этотъ часъ прошелъ безслѣдно и не принеся съ собой ничего...

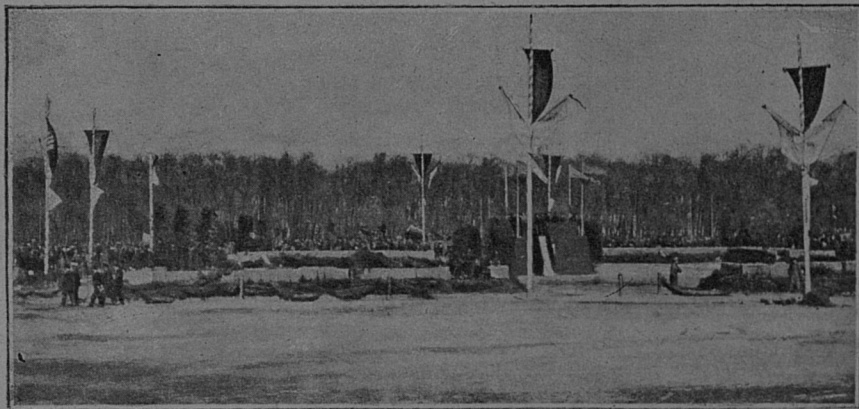
Прощаясь съ панной Аннелей, докторъ Дорль поцѣловалъ ея руку и когда она, въ испугѣ и смущеніи, пролепетала:

— Что вы! Не надо! — ласково засмѣялся.

Панна Аннеля убѣждала къ себѣ, но прежде чѣмъ лечь, робко окликнула изъ-за деревянной переборки: — Докторъ Дорль, какъ ваше имя?

Въ отвѣтъ ей снова засмѣялись. —

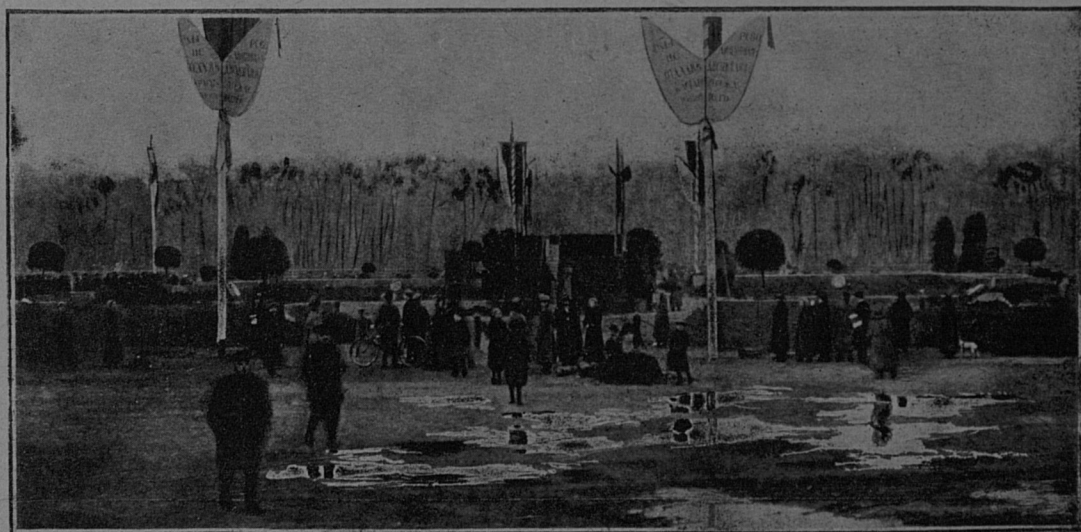
— Имена нужно спрашивать только подѣ Новый Годъ.... Когда гадаютъ на суженое.... Но вамъ я, такъ и быть, скажу: меня зовутъ Владиміръ

Въ 3 часа дня.

— Власовъ.

Панна Аннеля нерѣшительно протянула руку и почувствовала короткое,

Въ 6 час. вечера.

На Марсовомъ полѣ, сравнительно съ 1 мая прошлаго года, перемывало очень немного народа. Главнымъ образомъ присутствовали тѣ, кто принималъ участіе въ официальной сторонѣ праздника. Были районы, выставившіе не болѣе двухъ десятковъ рабочихъ. Даже выборгскій районъ, эта цитадель большевизма, могъ показать не болѣе 1500 вѣрныхъ петроградской коммуны рабочихъ. Въ празднествѣ приняло участіе очень немного матросовъ, и то, такъ называемые, сухопутчики изъ гвардейскаго и балтійскаго экипажей. На знаменахъ въ Петроградѣ, по крайней мѣрѣ, не отразилось наблюдаемое за послѣднее время среди моряковъ недовольство. На самомъ большомъ знамени красовалась надпись: «Да здравствуетъ третій интернаціоналъ!» Всего въ манифестаціи участвовало не болѣе 500—600 матросовъ, хотя ихъ въ городѣ около 5000.

Выдѣлялся среди процессій интернаціональный батальонъ австрійскихъ и нѣмецкихъ военно-плѣнныхъ. По отиѣткѣ газетнаго хроникера, какъ то странно звучала команда нѣмецкаго инструктора: «ein, zwei», обращенная къ военнопленнымъ, передѣлѣтымъ въ русскую форму.

Вмѣстѣ съ выборгскимъ райономъ прослѣдовалъ отрядъ финской красной гвардіи.

Въ общемъ, день прошелъ спокойно. Вечеромъ моряки устроили фейерверкъ на судахъ на Невѣ.

Правительство петроградской коммуны на Марсовом поле в день 1-го Мая.

Тов. Зиновьевъ, председатель петроградскаго совдепа и совнаркома произноситъ рѣчь передъ матросами.

Въ своей рѣчи тов. Зиновьевъ сказалъ имъ, между прочимъ, слѣдующее: „Хотя, быть можетъ, среди васъ, какъ и вездѣ, есть недостойные, но вы останетесь и всегда будете красой и гордостью русской революціи“. Отъ имени отряда Зиновьеву отвѣчалъ матросъ. Онъ говорилъ о необходимости защиты краснаго Петрограда и посылалъ проклятье тому, кто отдастъ его въ руки нѣмецкихъ шуцмановъ.

Она тихо повторила:—Владимиръ.....— и, вспыхивая такъ, что пунцовыми стали и щеки, и уши, и шея, стала придумывать сокращения: Володя.... Воля... Владя.....

На Страстной по слободѣ бѣгали свободные отъ уроковъ ребяташки и отъ нечего дѣлать гонялись другъ за другомъ съ пучочками вербы въ рукахъ, прищипывая: «Верба хлестъ, бьетъ до слезъ... Верба бѣла, бьетъ за дѣло»...

Панна Аннеля прислушивалась къ дѣтскимъ голосамъ, звучавшимъ точно серебрянные колокольчики и тихо, почти шепотомъ, вспоминала ускользавшій мотивъ:

«Оружіемъ на солнцѣ сверкая,
Подъ звуки лихихъ трубачей»..

Изъ-за деревянной переборки сѣ вдругъ откликнулся мрачный басъ доктора Власова:

— Напрасно вы это, барышня....
Она вздрогнула и переспросила удивленно:

Тов. Володарскій произноситъ пылкую и энергичную рѣчь о саботажникахъ, меньшевикахъ и эсѣ-зрахъ.

— Что напрасно?
— Да вотъ это самое..... На счетъ оружія и лихихъ трубачей... Напрасно

запоминаете..... Мы то уѣдемъ—забудемъ, а вы тутъ помнить будете. Что хорошаго?

У панни Аннели дрогнули губы, какъ у обиженного ребенка. Она проговорила растерянно:

— Я не понимаю... Я совсѣмъ не понимаю васъ, докторъ...—И торопливо, точно боясь услышать еще что нибудь неприятное, вышла изъ своей комнаты, набрасывая на ходу пушистый платокъ.

На крылечкѣ ее опажнулъ весенній вѣтеръ. По рѣкѣ тронулся ледъ.... Глыбы голубоватаго, ломкаго хрустала съ трескомъ карабкались другъ на друга и у самыхъ береговъ пѣшились черныя, вырвавшіяся на свободу, буйныя отъ весенняго хмѣля волны.

Панна Аннеля быстро пошла по узкой, размытой тающимъ снѣгомъ тропинкѣ, свернула вправо, къ кривой яблонькѣ, отъ которой падала изломанная тѣнь, и приостановилась на лугу, прислушиваясь къ веселому треску льда и къ задумчивому колокольному звону тамъ, за рѣкой.

Высоко надъ монастыремъ легкокрылыя ласточки чертили въ небесахъ круги.... Кое гдѣ уже бѣлѣли хрупкіе, наивные подснежники и не то отъ нихъ, не то отъ разрыхленной, влажной земли нахло чуть уловимой, тонкой и волнующей свѣжестью.

Далеко за лугомъ синѣли высокіе курганы въ степи и надъ ними курился тонкій, бѣлый паръ, точно дымъ надъ жертвенниками.

Панна Аннеля всматривалась въ лиловатую, легкой вуалью, задернутую даль.... Всматривалась такъ пристально

но и строго, какъ будто тамъ крылась какая то важная тайна, которую необходимо было разгадать и

Коммисары и другія власти коммуны на подвижной эстрадѣ—грузовомъ автомобилѣ—смотрятъ прохожденіе красноармейскихъ отрядовъ: 1) тов. Зиновьевъ, 2) тов. Володарскій, 3) тов. Лашевичъ.

На Исаакіевской площади.

Слѣва виденъ памятникъ императору Николаю I, укрытый серпантинными лентами.

въ которую нельзя было не повѣрить.....

И когда напряженные глаза отчетливо увидѣли приближающуюся фигуру въ сѣрой шинели, молодое улыбающееся лицо и яркія губы подъ бѣлокуроыми усами, панна Аннеля даже не удивилась.

Эти губы коснулись ея щеки, едва-едва удовимымъ прикосновеніемъ. Затѣмъ кто то осторожно отодвинулъ пушистый платокъ, полузакрывавшій ея лицо и приникъ къ ея рту настойчиво и пламенно-нѣжно.

Она опустила рѣсницы, хотѣла тихо сказать: «Воля» или «Владя», и не успѣла...

Фигура доктора Дорль уже мелькнула мимо кривой яблоньки, на мигъ задержалась у плетня, отдѣлавшаго садъ Антона Кульбабы отъ луга и оттуда донесся не то ласкающій, не то поддразнивающій смѣхъ.

Когда панна Анеля возвращалась домой, ее нагналъ у самаго крыльца почтмейстеръ Лишенко.

Его правая щека, была какъ всегда, подвязана чернымъ фуляромъ, прикрывавшимъ заодно и часть праваго глаза. Лѣвый же открытый глазъ, ядовито подмигивалъ и также ядовито кривились тонкія губы:

— Честъ имѣю поздравить, Аннеля Витольдовна..... Съ новомоднымъ бракомъ честъ имѣю поздравить!... Самъ видѣлъ, какъ же съ! Вѣнчаться по закону съ почтмейстеромъ Афанасіемъ Лишенко это, конечно, мове-жанръ, утопія, анахронизмъ, такъ сказать, а вотъ цѣловаться тайкомъ на лугу, подъ яблонями съ столичнымъ докторомъ, съ этокой знаменитостью, стиль модернъ, это фанъ де съекль, экстра-финъ..... Какъ же съ понимаемъ! Имѣю честъ!

Панна Аннеля повторила: «Экстра-финъ»... и залилась дѣтско-счастливымъ смѣхомъ...

— До чего вы смѣшны Лишенко! Господи Боже мой, до чего вы смѣшны! «Экстра-финъ»... Откуда вы слова такія выкапываете, Лишенко?

Она смѣялась, тихонько подвигаясь впередъ по узкой тропинкѣ, а вслѣдъ ей изъ подъ чернаго фуляра ползли змѣй шиняція слова:

— Осрамлю! Оставлю! На всю Винницу, да съ! Не допущу, чтобы держали учительницу съ этакими эксецессами... По старинѣ, по старинѣ расправлюсь... Въ стилѣ ансьенъ, да съ!... Безъ комплиментовъ!

Панна Аннеля вернулась домой съ пунцовымъ румянцемъ на щекахъ и глазами, налитыми счастливымъ смѣхомъ.

Изъ за деревянной переборки ей былъ слышенъ голосъ доктора Дорль, говорившаго:

— Въ глинтвейнъ обязательно нужно чуточку ванили и нѣсколько капель мараскина.... Да, да, да..... Не спорьте... Съ мараскиномъ острѣе. Что? Ахъ, вы все про это! Бросьте пожалуйста! Какъ случится, такъ и случится. И вовсе я не коварный соблазнитель, а только каждому изъ насъ «хочется счастья. Какъ же безъ счастья? Надо же счастья хотѣ

то и случится еще и еще не одинъ разъ..... Вѣдь счастье только начинается.....

Она прилегла на узкую, дѣвичью постель и прижалась пылающей щекой къ подушкѣ думѣ, украшенной наивными голубыми бантиками.

Голосъ изъ-за перегородки заговорилъ опять:

— Если найдется лимонъ, обязательно положите ломтикъ въ стаканъ. Безъ лимона глинтвейнъ — не глинтвейнъ... Ну, готово?

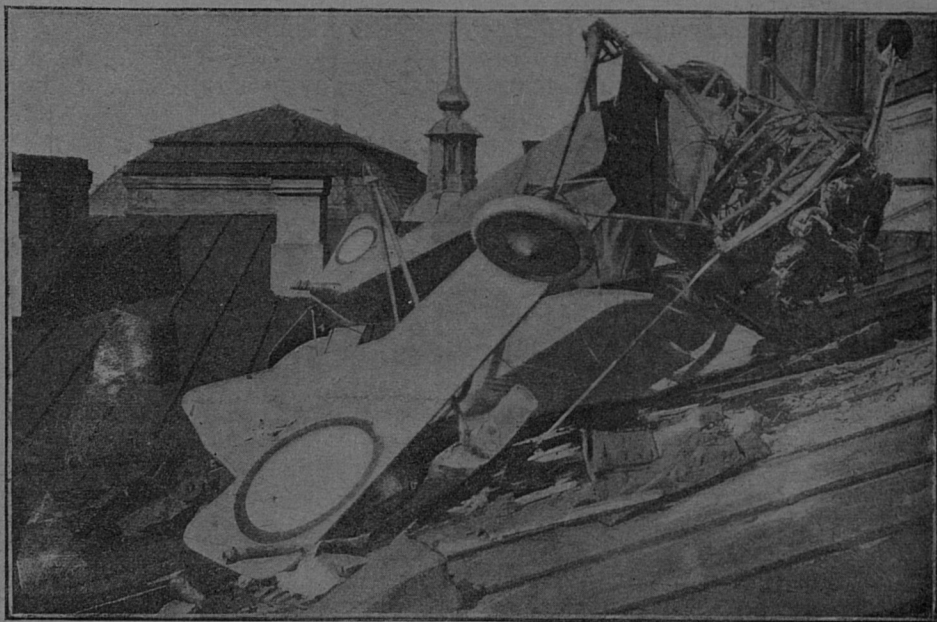
Слышно было, какъ Власовъ неодобрительно проворчалъ что то сквозь зубы и докторъ Дорль нетерпѣливо отвѣтилъ:

— Ахъ, полноте!

Потомъ скрипнула половица и съ шумомъ отлетѣлъ въ сторону задѣтый стулъ. Пряный запахъ ванили и горячаго вина заставилъ панну Аннелю глубже втянуть воздухъ... Она приподнялась съ подушки и увидѣла въ двухъ шагахъ отъ себя доктора Дорль. Онъ протягивалъ ей стаканъ съ виномъ, и,

разъ!.....» Откуда это, а? Не знаете?

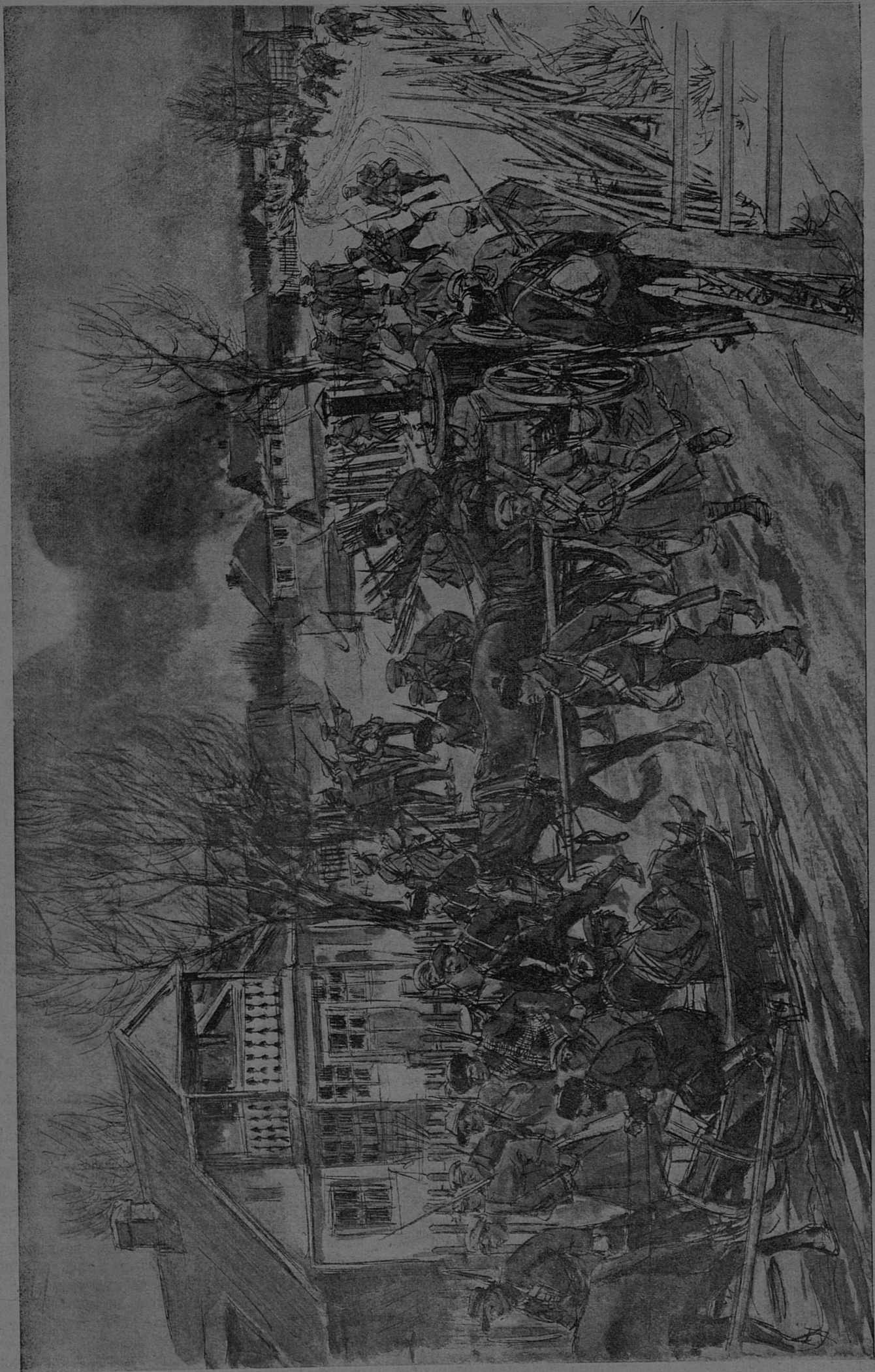
Голосъ умолкъ. Панна Аннеля влюбленно прислушивалась къ нему и повторяла беззвучно «Какъ же безъ счастья? Надо же счастья хотѣ разъ!» Какіяонъ знаетъ чудесныя слова, этотъ Воля..... Владя.... Володя..... Господи, вѣдь вотъ пришла же она, неожиданность и случилось что

Разбившійся съ лётчиками аэропланъ на крышѣ дома на Пантелеймоновской улицѣ.

Наканунъ передышки въ гражданской войнѣ въ Финляндіи.

Рисунокъ съ натуры художника журнала „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВА.

Послѣднее отступленіе красной гвардіи изъ района Райвола.

Отряды красногвардейцевъ, не имѣя хорошихъ офицеровъ—руководителей, не смогли, несмотря на свою многочисленность и обильное вооруженіе, противустоятъ наступленію бѣлой гвардіи, руководимой опытными германскими офицерами и унтеръ-офицерами.

При первомъ напорѣ „красные“ дрогнули и бросились на утекъ, побросавъ свои пулеметы, обозы и проч. Все свое вниманіе они обратили на „спасеніе“ походныхъ кухонь и запасовъ провизіи, свинины и проч., добытыхъ реквизиціей у дачевладельцевъ—финновъ и русскихъ.

блестя влажными, нѣжными и влюбленными глазами, говорилъ совсѣмъ тихо:

— Выпейте... За мгновеніе... Ну, выпейте-жъ...

И потомъ, цѣлуя ее, прибавилъ:

— Моя сказочка!

* * *

Черезъ двѣ недѣли къ паннѣ Аннелѣ рано утромъ пришла Олеся и таинственно зашептала:

— Какія то смутныя вѣсти пришли... въ Россіи... Въ газетахъ написано, только Олеся — жъ неграмотная, — какъ разобратъ. Можетъ панночка ученая... Панъ Лишенко тоже знаетъ, только онъ, же сталъ такой важный, вродѣ самаго начальника... Чи не нашлось для Винницы другого начальника?... Не разобратъ!

Панна Аннеля слушала, мечтательно улыбалась и думала: зайдетъ сегодня докторъ Дорль поцѣловать ее передъ тѣмъ, какъ пойти на санитарный пунктъ, или не зайдетъ?

Онъ не зашелъ, и къ обѣду его еще не было дома.

Антонъ Кульбаба, топчась на крылечкѣ, бормоталъ что то про проклятую жизнь, бо-дай она не ладна, и рассказывалъ самому себѣ, какъ тамъ, за рѣкой, собрались какіе то чіловіки, чі разбойники, чі ні, и съ ними панъ Лишенко... Кричатъ, руками машутъ, говорятъ, что всѣмъ надо сгинуть со свѣту, они одни останутся и будутъ землей править, потому что ихъ воля пришла... и всѣмъ панамъ надо сгинуть... А зачѣмъ—кто скажетъ? Хиба жъ еще мало крови пролилось?... За паповой левадой ригу спалили... Грозятся всю Винницу спалить... И откуда вдругъ такое пришло, кто скажетъ?

Вечеромъ, уже въ сумеркахъ, послышались за перегородкой шаги. Панна Аннеля выглянула и увидѣла доктора Власова, но, прежде чѣмъ успѣла спросить что нибудь, гдѣ то совсѣмъ близко, загремѣли выстрѣлы... Нѣсколько человекъ проскакали подъ окнами, изо всѣхъ силъ нахлестывая коней. На ясномъ, кроткомъ небѣ широкимъ полымемъ взметнулось зарево.

Докторъ Власовъ спросилъ отрывисто:

— Дорль не возвращался?

И по тоскующимъ глазамъ панны Аннели увидѣлъ, что нѣтъ.

Она робко постояла рядомъ съ нимъ, стараясь скрыть щемящую тревогу, и сказала нерѣшительно:

— Я думаю, ничего не случилось?...

поджоги, погромы, — ну да, все это такъ,—но причѣмъ тутъ Воля, Владя?.. Идутъ какія то жуткія и непонятныя событія тамъ, за рѣкой, но здѣсь еще тихо, и вѣдетъ счастьемъ и весной... И развѣ что нибудь измѣнится отъ того, что...

На ступенькахъ крылечка разомъ затопали тяжелые шаги... Кто то долго искалъ скобку у дверей и потомъ въ комнату вошли четверо или пятеро и опустили на полъ тяжелую носу, прикрытую шинелью. Надъ полуоткрытыми, точно улыбающимися губами мягко пушились бѣлокурые усы.

Панна Аннеля нагнулась, спрашивая растерянно:

— Что? Владя, что? Что?

И не получила отвѣта.

Евг. Руссать.

ЕГО ТРЮКЪ.

Рассказъ А. ШЕБЕЛЯ.

(Съ нѣмецкаго).

— Увѣрю васъ, милый баронъ, что вашъ прелестный маленький трюкъ не произведетъ на эту женщину ни малѣйшаго впечатлѣнія...

— Дорогой Сэн-Ламберъ, вы ничего не понимаете. Вамъ недостаетъ высшей школы. Вѣдь вы имѣете обыкновеніе отдавать въ любви частицу своего большого сердца, горѣть и еподдѣльнымъ огнемъ, неподдѣльнымъ чувствомъ...

— Ну, такъ что же? Только такимъ образомъ можно разсчитывать на взаимность!

Баронъ Цезаръ Веструмъ разсмѣялся.

— Взаимность! —

онъ пустилъ высоко вверхъ дымъ отъ папирсы.—Въ отвѣтъ на свои чувства вы получаете поддѣлку подъ любовь, больше ничего. Но мы, такъ называемая jeunesse dorée, платимъ за эту любовь золотомъ, брилліантами, нарядами, вы же—своей молодостью, славой, выигрышными ролями въ своихъ драмахъ...

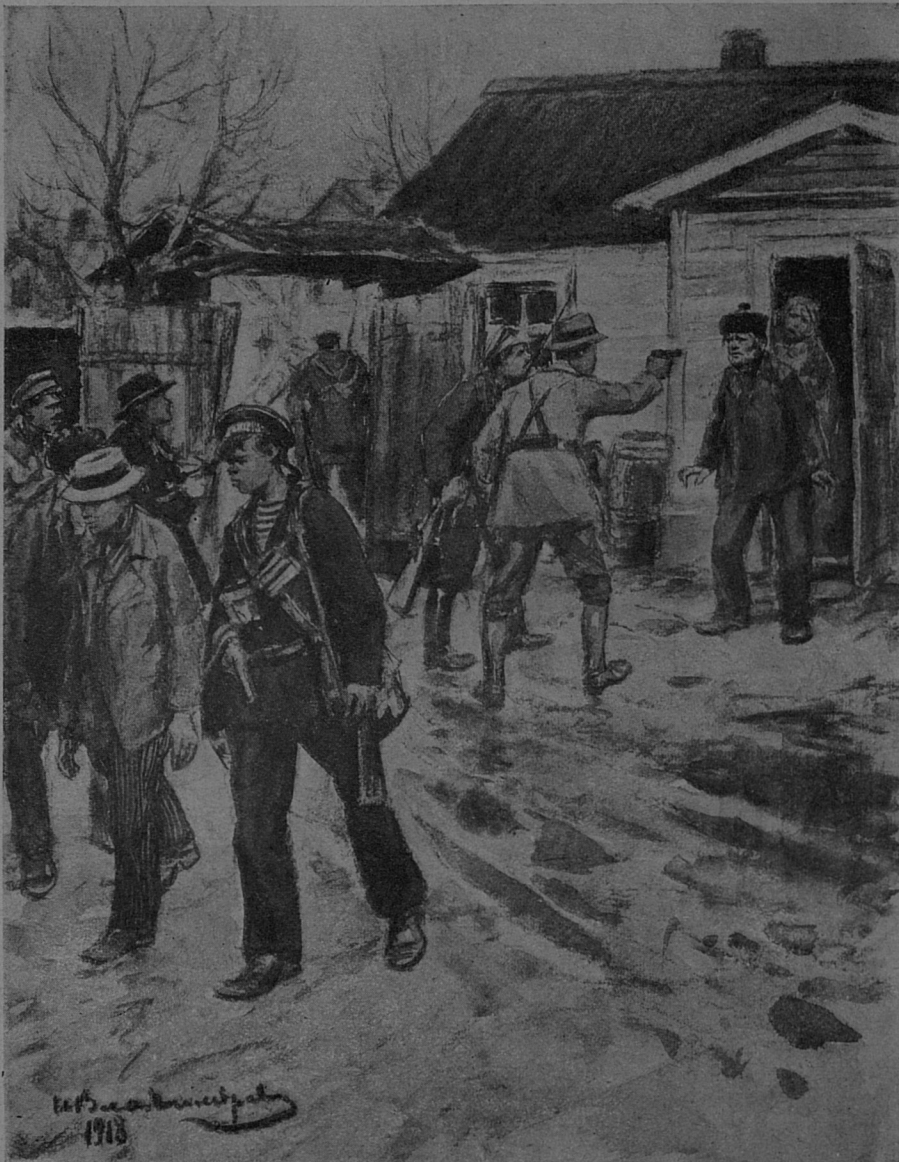
Молодой писатель нахмурился:

— Вы еще не знаете, что такое любовь!

— Вы хотите сказать, что я не знаю, что такое настоящій обманъ! Нѣтъ, мой

Наканунъ передышки въ гражданской войнѣ въ Финляндіи.

Рисунокъ художника журнала „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВА.

Принудительный наборъ рабочихъ въ Теріокахъ.

Объявленные финляндскими красногвардейцами всеобщая мобилизація и военно-рабочая повинность были встрѣчены населеніемъ очень враждебно. Молодые финны бѣжали въ захолустныя деревушки и попрыгали отъ „красныхъ“, а на военныя работы буквально никто не выходилъ. „Краснымъ“ пришлось прибѣгать къ принудительному вооруженному набору рабочихъ. Съ этой цѣлью многочисленные патрули красныхъ обходили всѣ дома и дачи въ Теріокахъ и Райвола и подъ угрозой смерти уводили рабочихъ для рытья „окоповъ“ и выгрузки своихъ грузовъ.

Докторъ Власовъ погладилъ усы:

— За рѣкой пожаръ, нашъ санитарный пунктъ разгромленъ... Въ монастырѣ смятеніе... Монахи боятся, что и къ нимъ ворвется толпа... Изъ тюрьмы выпустили воровъ и убійцъ... Я не знаю, кто тутъ верховодитъ этими дѣлами, но въ толпѣ я видѣлъ этого... Лишенку... Съ револьверомъ въ рукахъ, винтовкой за плечами—тьфу!.. Зачѣмъ полѣзъ туда Дорль,—не понимаю!

Панна Аннеля тоже не понимала. Толпа вооруженныхъ людей, выстрѣлы,

cher, пока у меня цѣлы волосы и зубы я предпочитаю обходиться безъ такого украшенія, какъ рога. Что же касается моего маленькаго трюка, — сознаюсь, мнѣ надоѣли эти ужасныя сцены, сопровождающія разрывъ. Онъ вынуть часы и всталъ съ непринужденностью *homme à succès*.

— Ирма ждетъ меня, — сказалъ онъ, — влюбленные же должны быть пунктуальны.

Сэнъ-Ламберъ вздрогнулъ:

— Она назначила вамъ свиданіе?

Баронъ, не торопясь, спряталъ часы:

— Зачѣмъ такія сильныя выраженія? Вы знаете, что я люблю все неясное, туманное. Госпожа фонъ-Лаленгъ пригласила меня на чашку чаю.

Онъ пожалъ клубному другу руку по самой послѣдней модѣ.

— Такъ до скорого свиданія!

Но, не дойдя до двери элегантно курительной, онъ обернулся:

— Еще одно слово, Сэнъ-Ламберъ! Скажите, я не встаю вамъ тутъ поперекъ дороги?—въ его голосѣ прозвучало оскорбительное участіе побѣдителя, — мнѣ было бы очень, очень неприятно — *ragole d'honneur*...

Молодой человѣкъ весь вспыхнулъ:

— Мой дорогой баронъ, я съ удовольствіемъ отказываюсь отъ женщины, которая имѣла счастье быть избранной вами...

Онъ поклонился съ преувеличенной вѣжливостью и взялъ со стола научный журналъ.

Баронъ Веструмъ былъ задѣтъ за живое. Что позволяетъ себѣ, этотъ маленький писатель, благодаря ему попавшій въ модный клубъ и многія другія недостижимыя для него мѣста? Не собирается ли онъ соперничать съ нимъ? Но сейчасъ не время считаться...

Но въ будуарѣ Ирмы фонъ-Лаленгъ его ожидалъ сюрпризъ. Эта красивая и избалованная женщина положительно удивила его своимъ радушнымъ пріемомъ. Она даже не старалась скрыть свою радость при видѣ его, сама положила ему сахаръ въ чашку и даже стала поить его съ ложечки душистымъ

чаемъ. Онъ, конечно, всякій разъ цѣловать кончики ея пальцевъ, а она, казалось, ждала большаго.

Въ смущеніи сталъ баронъ рыться въ своей памяти. Кажется, онъ еще не объяснялся Ирмѣ въ любви? Помнится, онъ только ухаживалъ за ней, но,

не женили. Легкая улыбка скользнула по его самоуверенному лицу.

— Боже мой, представьте себѣ меня женатымъ! Но при моей легкомысленной натурѣ это кончилось бы самоубійствомъ моей жены...

Ирма фонъ-Лаленгъ вдругъ страшно покраснѣла. Она засуетилась, переставляя съ мѣста на мѣсто какія-то бездѣлушки и проговорила:

— Но это самоубійство было бы геройствомъ.

— Я не люблю сенсаций и не хочу имѣть на душѣ смерть человѣка.

Въ восхищеніи протянула ему очаровательная женщина руку:

— Вы добры и благородны! Слишкомъ благородны!

Она слегка закашлялась и ему показалось, что она подавила вздохъ:

— Вы должны отдавать свое чудное сердце только замужнимъ женщинамъ...

— Ахъ, если бы не было развода... Нѣтъ, у меня на это вполне опредѣленные взгляды. Я стою за откровенность. Я даю каждой женщинѣ, которая интересуется меня, взглянуть въ мою душу.

Онъ откинулся назадъ и продолжалъ торжественнымъ тономъ:

— Извините меня, если я вамъ задамъ вопросъ, который можетъ показаться нескромнымъ... Вы любили въ своей жизни? Вашъ покойный мужъ...

— Но я могла любить и другого человѣка...—Ирма крутила на пальцѣ лѣвой руки скромное колечко, казавшееся такимъ жалкимъ среди сверкавшихъ солитеровъ и маркизовъ.

— Я извиняюсь, я понялъ. Только надо раскопѣть древностей! Итакъ, если вы любили...

Ирма сдѣлала движеніе, точно желая протестовать.

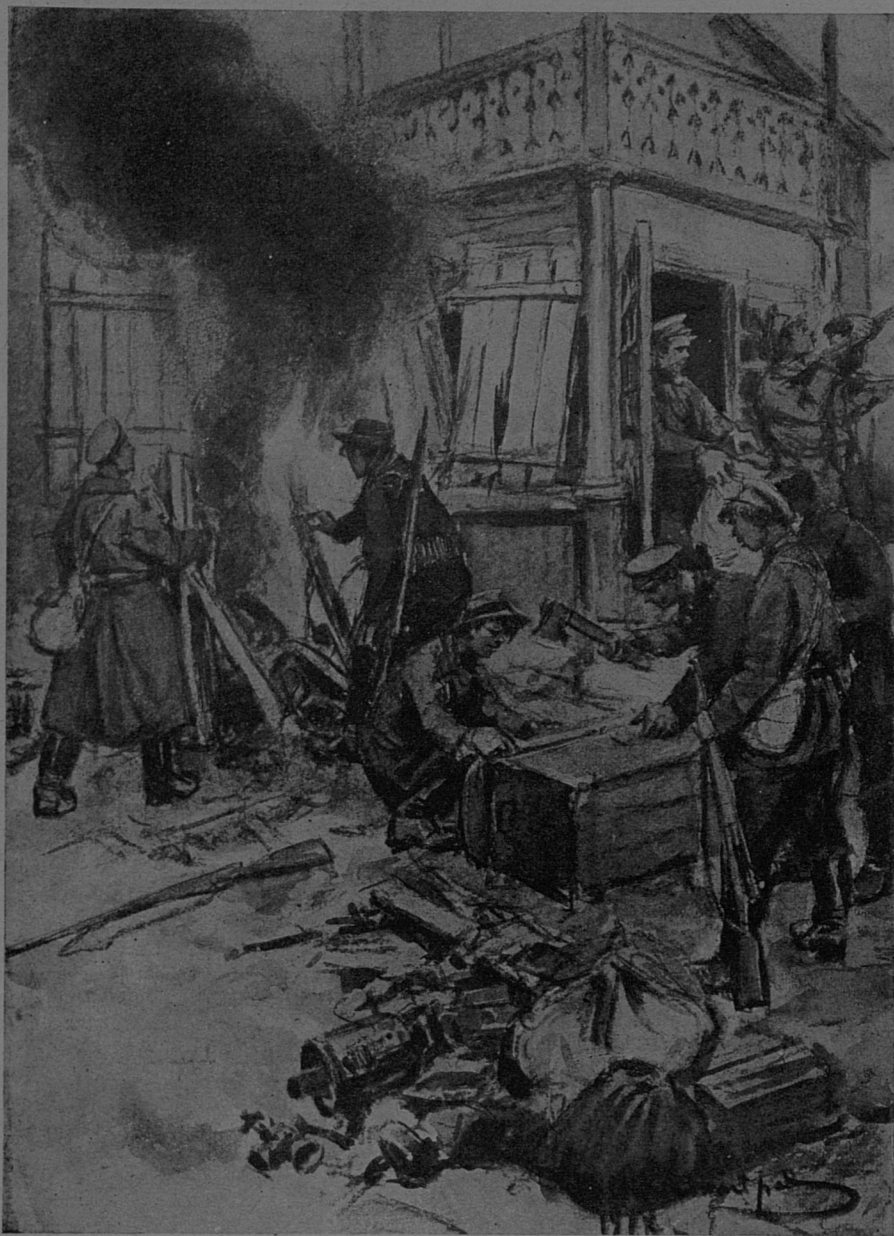
— Если вы любили, такъ вы знаете, что это чувство не вѣчно. И обыкновенно обѣ стороны сразу, а сначала одинъ изъ любящихъ...

— Мужчина, — несмѣло замѣтила Ирма.

— Ну это не всегда такъ, — великодушно возразилъ баронъ, — вовсе нѣтъ.

Наканунъ передышки въ гражданской войнѣ въ Финляндіи.

Рисунокъ художника журнала „Огонекъ“ И. А. ВЛАДИМИРОВА.

Грабежи и поджоги дачъ въ Теріокахъ.

Во время усиленнаго натиска бѣлогвардейцевъ, подкрѣпленныхъ германцами, на отряды красной гвардіи, защищавшіе Теріоки, по всему дачному району разбрелись небольшія партіи какихъ то вооруженныхъ людей безъ отличительныхъ признаковъ „красной“ или „бѣлой“ арміи. Эти негодяи среди бѣла дня подъ видомъ обыска взламывали дачи, выносили все цѣнное, разбивали хранилища и нерѣдко поджигали дачи и другія строенія „для видимости военныхъ дѣйствій“, по ихъ словамъ.

во всякомъ случаѣ, ухаживанія эти носили весьма опредѣленный характеръ.

А ея сѣрые глаза все спрашивали и спрашивали его и онъ рѣшился, наконецъ, отвѣтить. Туманно, какъ онъ это любилъ, и съ маленькой оговоркой. Нѣсколько разъ въ своей жизни онъ попадалъ безъ всякой вины въ довольно неприятное положеніе. И только потому, что онъ сразу не выяснялъ сути отношеній. Да, коротко говоря, его чуть

Праздникъ Св. Георгія у бой-скаутовъ и гэрлѣ-скаутовъ въ Петроградѣ.

По фотографіямъ для „Огонька“.

Къ 10 час. утра, 6 Мая „гэрлы“ и „бой“ I-й Петроградской дружины численностью до 500 человекъ собрались на Крестовскомъ островѣ на полѣ „Спорта“.

Звучитъ барабанъ, отряды выстраиваются — Смирно!

Начальникъ дружины адмиралъ И. Ф. Бостремъ привѣтствуетъ скаутовъ, обходя отряды и здороваясь съ начальниками отрядовъ. Караулъ несетъ ярко-желтое дружинное знамя. Новая команда — и низко, до самой земли, склоняются нарядные знамена, отдавая послѣдній салютъ погибшимъ братьямъ и сестрамъ — скаутамъ.

Звонкая трель свистка зоветъ:

— Начальники и помощники начальниковъ ко мнѣ!

Зеленые и красные платки срываются со своихъ мѣстъ, бѣгутъ въ середину круга за инструкціями и такъ же быстро возвращаются обратно. Помощникъ начальника дружины ст. скм. С. Васильевъ читаетъ приказы о новыхъ производствахъ по дружинѣ, адмиралъ поздравляетъ вновь произведен-

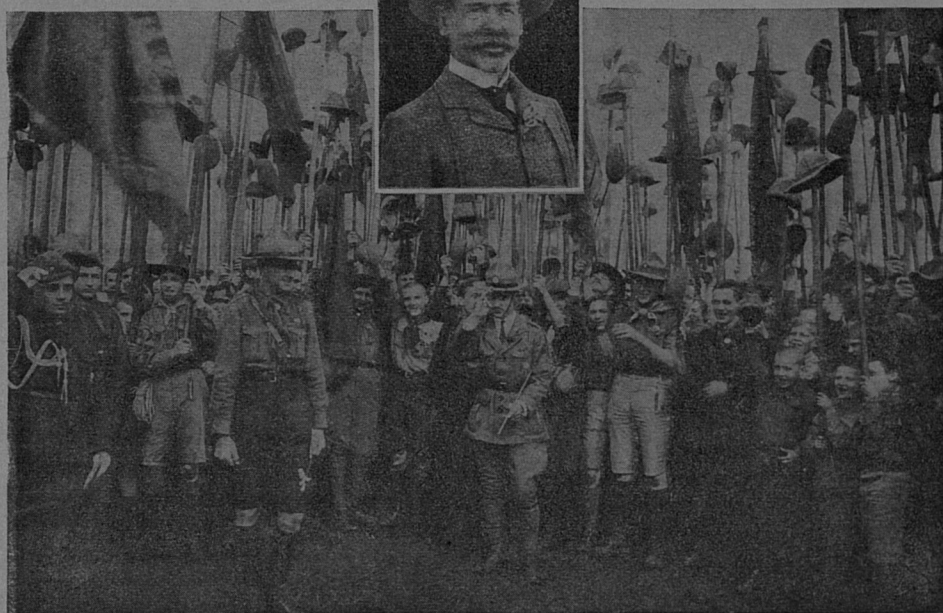
устремляются къ кругу, центръ котораго начальникъ дружины. Крики, смѣхъ, задніе ряды напираютъ на переднихъ, колышутся надъ головами знамена и желтые съ черными силуэтами флажки, вѣтеръ играетъ цвѣтными лентами и синими, зелеными ми — галс

ники — появляются то здѣсь, то тамъ среди желтыхъ и синихъ, спокойно, короткими приказаніями поддерживая дисциплину, ласковымъ словомъ подбодряя маленькихъ «волчатъ» и «птенцовъ». Въ каждомъ отрядѣ юными кулиарами готовятся пища, которая тутъ-же и уничтожается... Тамъ перекинули черезъ рѣчку мостъ изъ посоховъ и быстро перебираются на ту сторону... Здѣсь устроили лотерею изъ вещей, сработанныхъ самими же скаутами... Въ третьемъ мѣстѣ состязаніе въ эстафетномъ бѣгѣ, велосипедная ѣзда, подача первой помощи, переноска раненыхъ... Вотъ мелькаютъ бѣлые и красные флажки — сигнализируютъ... Японская борьба дзюджитсу... Смѣхъ... молодые, веселые голоса... цвѣты въ петличкахъ... мельканіе голыхъ колъней и яркихъ платковъ... яркое солнце и холодный, холодный вѣтеръ...

Уже три часа...

— Сборъ!..

Быстро складываются палатки... тушатся костры...

«Ура!» капитану скоутовъ адм. Бострему.

— Вниманіе! Сѣсть на посохи! — и сразу, точно прибой затихаетъ, точно вѣтеръ пригнулъ къ землѣ, сѣдые колосья... только рѣбютъ тихо гигантскія, золотистыя бабочки — знамена... Начальникъ дружины говоритъ со скаутами простыми, сердечными словами, онъ напоминаетъ имъ о долгѣ и чести скаута.

На заключительныя слова привѣтствія — «Будь готовъ!» дружина громко и весело отвѣчаетъ — «Всегда готовъ!»

Ст. скм. Васильевъ возглашаетъ — «ура!» — въ честь начальника дружины, знамена высоко поднимаются вверхъ, шапки летятъ кверху, посохи и просто руки мелькаютъ въ воздухѣ, и долгое громкое «ура!» 500 молодыхъ голосовъ разносится по полю.

— Отряды по мѣстамъ!

Быстро разбѣгаются во всѣ стороны скауты и, выстроившись, церемоніальнымъ маршемъ проходятъ мимо начальника дружины. Затѣмъ каждымъ отрядомъ демонстрируются образцовыя скаутскія занятія и проч. Разбили лагерь, задымилась костры, засновали съ котелками, тонорами, лопатами живописныя, стройныя фигуры въ защитнаго цвѣта блузахъ и синихъ «трусикахъ» и юбкахъ, яркихъ галстухахъ и широкополыхъ бурскихъ шляпахъ. Зеленые и красные платки — скаутмастера и ихъ помощ-

— Будь готовъ!

— Всегда готовъ!

Равняйся! Шагомъ! — маршъ!

Кончился праздникъ... милый весенній праздникъ свѣта и молодости, добра и чи-

Гэрлѣ-скауты (дѣвочки) на сигнальной вышкѣ.

ныхъ скаутовъ, свистокъ заливается опять и, какъ потокъ лавы, со всѣхъ сторонъ скауты

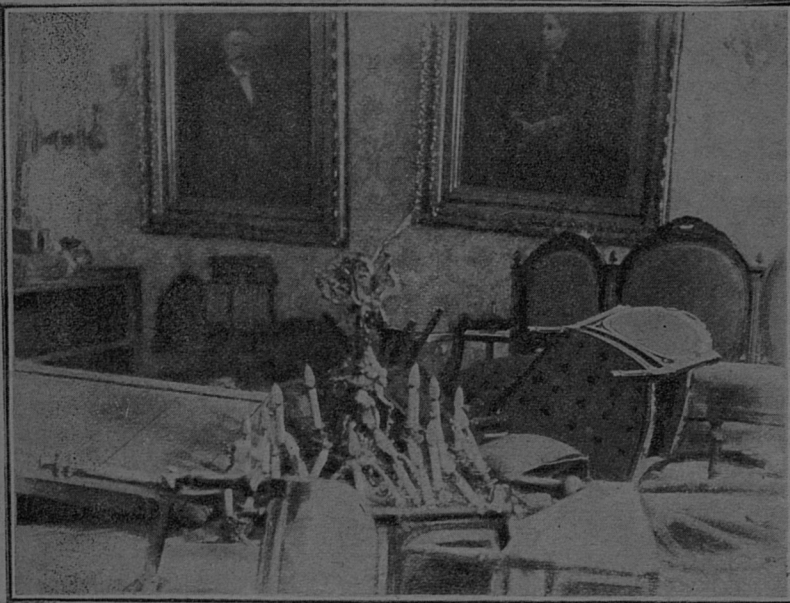

Гэрлѣ-скауты готовятъ себѣ завтракъ.

стоты, праздникъ юныхъ рыцарей, братства скаутовъ всего міра!

Взрывъ бомбъ въ штабъ анархистовъ въ Петроградѣ.

По фотографіямъ, любезно доставленнымъ „Огоньку“.

Въ квартирѣ, находящейся надъ помѣщеніемъ штаба.

Отъ силы взрыва потолокъ провалился изъ третьяго этажа во второй и изъ четвертаго въ третій.

Чѣмъ красивѣе женщина— онъ почтительно склонилъ передъ Ирмой голову. — тѣмъ у нея больше надежды на то, что она первая почувствуетъ охлажденіе...

— Вы называете это, надеждой?

— Конечно. Но слушайте дальше. Для того, чтобы избѣгнуть рабства, въ которое часто превращается любовь, и сдѣлать невозможными сцены и волненія, сопровождающія разрывъ, я придумалъ слѣдующій выходъ...

Ирма начала обмахиваться вѣеромъ:

— Очаровательный выходъ, конечно?

— Прежде всего надо помнить, что любовь не вѣчна. Затѣмъ, кто первый почувствуетъ охлажденіе...

— То есть тотъ, у кого больше надежды на это,—встала Ирма.

— Тотъ просто посылаетъ конвертъ съ черной коймой съ извѣщеніемъ о смерти любви своему партнеру. Конечно, тутъ исключается всякая возможность мести со стороны покинутаго...

Ирма захлопала въ ладоши:

— Вотъ это по современному commencement de siècle! Интересно бы знать, у кого изъ насъ больше надежды быть первымъ...

Онъ нѣжно улыбнулся ей съ высоты своего величія:

— Такъ вы любите меня, Ирма?

Она вдругъ вся вспыхнула и ударила себя вѣеромъ по губамъ. Но необдуманное слово уже было сказано!

Его глаза благодарили ее. Но она рѣшительно встала съ мѣста.

— Я не хочу быть слабой... Да, тысячу разъ да! Я люблю васъ! Я заинтересовалась вами съ первой же встрѣчи.

сильное и необычное привлекаетъ меня...

Ея золотыя рѣсницы бросали тѣнь на разгорѣвшіяся щеки.

— Цезарь,—шепнула она.

Съ ловкостью, говорившей о частой практикѣ, подкатилъ баронъ свое кресло къ качалкѣ Ирмы. Но, показывая такую же ловкость, выскользнула Ирма изъ цѣпкихъ рукъ Цезаря.

Въ ночь съ 23 на 24 апрѣля, около 2 час., въ штабъ партизанской дружины анархистовъ раздался страшный взрывъ во всемъ домѣ, гдѣ анархистами были захвачены нѣсколько квартиръ. Со звономъ посыпались стекла. Были выбиты стекла и въ смежныхъ и близлежащихъ домахъ.

Анархисты занимали въ громадномъ домѣ № 15 по Коломенской улицѣ двѣ квартиры подъ №№ 9 и 5. 23 апрѣля представители партіи, въ числѣ 12 человекъ, возвратились съ финляндскаго фронта. Въ тотъ же день анархистами были доставлены въ штабъ ящики съ оружіемъ и бомбами. Одинъ изъ анархистовъ Соболевъ, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій отъ взрыва, началъ, по его словамъ, разрывать бомбу, но въ это время воспламенился запальникъ и произошелъ страшный взрывъ, за которымъ послѣдовалъ рядъ другихъ.

Подъ обломками въ домѣ найдено 11 человекъ, частью легко пострадавшихъ и контуженныхъ, частью тяжело раненыхъ.

Что вы хотите!

Оригинальная натура такъ рѣдки... Я не могу бѣжать съ толпой, обыденное претитъ мнѣ. Иначе я давно бы вышла замужъ. Только

— Я вамъ тоже поставлю одно маленькое условіе,—ея глаза блеснули.—Надѣюсь, вы ничего противъ него имѣть не будете,—тутъ качалка вдругъ остановилась.—Вы можете осаждать, обстрѣливать крѣпость, какъ угодно, но ни въ какомъ случаѣ не брать ее штурмомъ. Это мои условія войны, которыя должны соблюдаться.

Въ голосѣ ея послышались прелестныя нотки смущенія. Потомъ она едва слышно шепнула:

— Крѣпость сдастся добровольно... слышите, Цезарь, добровольно.

Бережно и почтительно поцѣловалъ онъ ей руку.

— Вы исключительная женщина. Мы будемъ достойны другъ друга. Я даже завидую самъ себѣ,—добавилъ онъ съ гордостью.

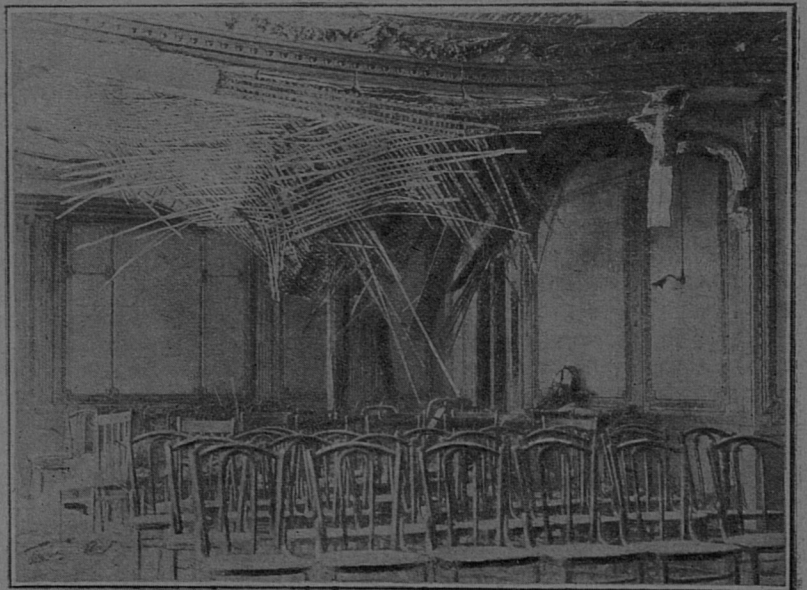
Онъ уже мечталъ о томъ, какъ проведетъ ближайшіе два мѣсяца своей свободы, когда прелестная Бланшъ изъ балета поѣдетъ въ турнѣ по Америкѣ.

Онъ прикинулъ въ умѣ: осада можетъ продолжаться три недѣли. Эта прелестная женщина сначала вскружитъ ему окончательно голову и потомъ сдастся... это каза-

Въ помѣщеніи штаба.

Въ этой комнатѣ и произошелъ взрывъ. Стѣны и потолокъ рухнули, похоронивъ подъ обломками спавшихъ во время взрыва анархистовъ.

Въ клубѣ анархистовъ.

Помѣщеніе клуба находилось этажемъ ниже штаба. Здѣсь до самовселенія анархистовъ, помѣщался игорный клубъ.

лось ему такъ заманчиво, дразнило его сверхсовременную натуру. Только не торопиться съ окончательной побѣдой... Онъ очаровательно проведетъ свои каникулы и, кромѣ того, сдѣлаетъ порядочныя сбереженія, такъ какъ на Ирму не придется много тратить. Цвѣты, конфеты, книги—это все стоитъ такіе гроши, тутъ и говорить не о чемъ.

— Цезарь,—сказалъ нѣжный, покорный голосокъ около него,—хотите оказать мнѣ услугу?

Онъ вздрогнулъ. Когда Бланшъ говорила эту фразу такимъ тономъ, онъ зналъ, что тутъ дѣло въ бриллиантовой брошкѣ или какой-нибудь другой подобной же мелочи.

— Пожалуйста, почитайте мнѣ эти стихи Поля Верлена.

Онъ остался съ открытымъ ротомъ. Цезарь никогда еще не встрѣчалъ такую нетребовательную женщину.

* * *

Избалованный успѣхами баронъ Цезарь Веструмъ вдругъ измѣнилъ свое отношеніе къ любви. Осада крѣпости стала центромъ его жизни. Ловкіе маневры прелестной женщины, ея умѣнье быть постоянно на чеку, ея утонченное, раздражающее кокетство, положительно, увлекли его. Она умѣла причинять ему адскія муки, за которыми онъ предвидѣлъ райское блаженство.

Цезарь Веструмъ влюбился до сумасшествия. Страсть, охвативъ его всего, заглушила всѣ былыя разсужденія. Въ немъ созрѣвало рѣшеніе. Любовь привела его къ тому, что раньше казалось ему невозможнымъ. Онъ сталъ думать о томъ, чтобы предложить Ирмѣ фонъ Лалэнгъ руку, свое имя и самое дорогое, что существовало для него въ мірѣ—свою персону въ качествѣ мужа. Но это, конечно, въ случаѣ, если бы крѣпость не сдалась. Женщинѣ, которая устояла передъ Цезаремъ Веструмъ, можно довѣрить свою честь.

Прошло три недѣли со дня ихъ разговора за чаемъ. Крѣпость напрасно штурмовалась изо дня въ день. Губы барона еще не коснулись Ирмы.

Сегодня Цезарь рѣшился на послѣдній шагъ. Если крѣпость не сдастся, надо взорвать ее. Если произойдетъ взрывъ, то взлетятъ на воздухъ его планы о женитбѣ, уваженіе къ будущей женѣ барона Веструма и любовь къ женщинѣ, которая окажется такой же какъ всѣ. Тогда ему останется только послать ей конвертикъ въ черной рамкѣ. У него въ столѣ есть записка траурной бумаги, которую онъ приобрѣлъ два года тому назадъ, когда придумалъ свой трюкъ.

Съ заглушеннымъ голосомъ, но горящимъ взглядомъ предсталъ онъ

передъ Ирмой. Какъ всегда очаровательная, женственная и покорная встрѣтила она его. Прозрачный газъ окутывалъ ее, какъ пѣной—настоящій туалетъ для грѣхопаденія. Золотистые волосы освѣщали блѣдное лицо. Когда Цезарь взялъ ея обѣ руки для поцѣлуя, Ирма опустила глаза. Потомъ она вздрогнула.

Медленно, точно во снѣ, опустился Цезарь на колѣни передъ качалкой. Изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ Ирма нѣжно взглянула на него.

— Ирма,—шепнулъ онъ и прижался головой къ складкамъ ея мягкаго

Петроградъ въ эти дни.

Силуэты съ натуры для „Огонька“ М. ВЕРИГИНА.

Продавцы газетъ.

платья. Его руки умоляли. Горячимъ шепотомъ просилъ, требовалъ и униженно молилъ онъ. Онъ называлъ ее богиней, своей царицей, а себя самымъ недостойнымъ человекомъ, нищимъ.

И въ то время, какъ онъ такъ покорно лежалъ у ея ногъ, Ирма широко открыла сѣрые глаза. Въ нихъ было торжество. Потомъ она склонилась къ нему и шепнула нетвердымъ голосомъ одно только словечко:

— Я жду въ шесть часовъ подругу,—а вы знаете, баронъ, что у женщинъ нѣтъ опасенія враговъ...—она оправилась передъ зеркаломъ прическу и платье.—Завтра, завтра,—шепнула она.

Ирма хотѣла еще что-то сказать, но тутъ доложили о приходѣ подруги. Быстро прошла она въ гостиную, а Цезарь остался весь красный, со стиснутыми зубами:

— Женщины, женщины!

Но взглянувъ въ зеркало на свою наружность Донъ-Жуана, онъ сразу успокоился.

— Завтра, завтра!—эти слова еще звучали у него въ ушахъ,—завтра въ это время я взгляну на нее съ презрѣніемъ. Еще сутки—и она будетъ для меня лишнимъ сорваннымъ цвѣткомъ.

* * *

Когда Цезарь пришелъ на слѣдующій день къ госпожѣ фонъ-Лалэнгъ, ему открылъ тотъ же самый молчаливый слуга, казавшійся однимъ изъ атрибутовъ передней.

Цезарь хотѣлъ скинуть пальто. Но тутъ молчаливый слуга передалъ ему розовый конвертикъ.

Цезарь недовольно нахмурился, потомъ опустилъ руку въ карманъ.

Съ молчаливымъ поклѣномъ принялъ слуга золотую монету. Его широкоплечая фигура загоразживала, какъ стѣной, входъ въ гостиную.

— Для меня барыня дома.

Это было сказано повелительно и подкрѣплено второй золотой монетой.

— У барыни мигрень. Мнѣ разрѣшено принять только доктора.

Цезарь спряталъ письмо въ жилетный карманъ.

— Я приду завтра,—сказалъ онъ коротко молчаливому слугѣ,—передайте эти цвѣты съ моимъ привѣтомъ барынѣ. Повернулся къ выходу. Дверь закрылась за нимъ, какъ ворота рая.

Цезарь былъ разстроенъ. Передъ тѣмъ, какъ выйти на улицу, онъ взялся за письмо Ирмы, чтобы узнать, когда же ему ждать счастливаго часа...

Подъ сверкающимъ пучкомъ электрическихъ лампочекъ вскрывается онъ конвертъ. ЭТОТЪ прелестный ароматъ, которымъ пропитано все вокругъ Ирмы. Какъ бьется

его сердце! Никогда не любилъ онъ такъ сильно женщину!

И вдругъ ему приходитъ благородное рѣшеніе. Что бы она ему ни писала, онъ не воспользуется ея слабостью и предложитъ ей руку и сердце. Еще сегодня! Письменно, чтобы сразу покончить со всякими колебаньями. Она побѣдила его, оказалась сильнѣе его.

Охваченный сознаниемъ собственнаго благородства, рветъ баронъ твердую бумагу...

Внутри еще одинъ конвертъ, такой же розовый и душистый....

Изъ него выпадаетъ карточка съ чернымъ краемъ. На ней только три строчки:

— Любовь умерла! Да здравствуетъ любовь! Рада сообщить это Ирма фонъ-Лалэнгъ, черезъ шесть недѣль госпожа Сэнъ-Ламберъ.

Перев. А. Д'Анволь.

Петербургъ спить. Дома мавзолеями поднимаются со всѣхъ сторонъ, пятаются вглубь, завидя площадь.

На одномъ изъ угловъ я увидалъ извозчика и обрадовался ему такъ, словно набрелъ на него въ степяхъ Гоби. Живо сторговались, и только было я занесъ ногу на подножку, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ содрогнулся воздухъ, какъ мнѣ показалось, сначала нѣмо, а потомъ разсыпался громомъ. Извозчикъ воскликнулъ:

— Огонь. Стрѣляютъ рядомъ! Ну, садись, баринъ. Богу помолимся, ежели спасемся...

Я молчалъ, растерянно водя глазами по сутемкамъ.

На небѣ, вотъ врѣжется же пуля въ память, проступила влажная синева, предвѣщающая близкое утро, и, когда глядѣлъ на эту синеву, я сквозь ужасъ чувствовалъ покой, вотъ какъ при крестикахъ на зѣвающемъ ртѣ вокзального сторожа. Какъ-то помимо воли подумалось: «Спасусь. Сегодня *другихъ* убиваютъ».

— Садись же! — почти свирѣпо рявкнулъ извозчикъ и возжами огрѣлъ коня.

Къ коню, подъ морду, подбѣжалъ человекъ съ ружьемъ въ лѣвой рукѣ. Дуло было наклонено къ землѣ. Человекъ возбужденно рванулся:

— Живо! Повезешь насъ въ комиссариатъ!

— Вотъ баринъ меня порядилъ къ Тучкову...

— Ладно. Баринъ себѣ другого возницу найдетъ,—остро поглядѣлъ не на меня, а какъ то въ переносъ этотъ человекъ съ ружьемъ, опущеннымъ дуломъ внизъ.

Одѣтъ онъ былъ по-солдатски, въ зеленатоватую шинель, въ черныя обмотки. Сапоги до обмотокъ въ шнуркахъ.

«...Унькоторыхъ камней вершины закрулены и голы какъ черепа...»

Лицо блѣдное, въ тонкихъ усикахъ, и большіе отъ ужаса или отъ стѣсненія въ груди выпученные глаза.

Онъ—интеллигентъ. Иначе, какъ напелъ бы, въ эту противную, липкую, какъ кровь, и таинственную, какъ смерть, минуту, среди всего запаса словъ—слово «возница», слово книжное.

Простолюдинъ, деревенскій человекъ всегда сказалъ бы «извозчикъ».

Я приободрился; опять не знаю почему, и сказалъ почти фамиллярно,

Извозчикъ досадливо пересадилъ, поправляя на сѣдыхъ волосахъ, мѣховую шапку и спросилъ:

— А кого везти будемъ?

— Разстрѣлянныхъ... Троекъ!

— Троекъ?—взволнованно подхватилъ я,—такъ, такъ!.. А вы, вотъ, говорите, что мнѣ спокойно будетъ дальше идти.

— Аааа!—схватился человекъ за високъ правой рукой, и при этомъ отнесъ мизинецъ, ровно въ кисейномъ обществѣ дѣвицы чай испивалъ изящными глотками и отнесъ пальчикъ,—ааа... да мнѣ какое до васъ дѣло!

— Я не пойду одинъ!—сказалъ я упрямо.

Онъ осклабился и какъ бы съ изумленіемъ произнесъ:

— Ладно. Идите со мной. Да чего вы боитесь, чего трусите?

— Кто они такіе?—упрямо спросилъ я.

— Налетки!—сказалъ тотъ и, взбросивъ ружье на плечо, наклонилъ голову на бокъ, этимъ краткимъ, властнымъ движеніемъ приглашая извозчика слѣдовать за нимъ.

Я не могъ отлѣпнуть отъ дикаго кортежа.

Впереди шелъ человекъ въ черныхъ англійскихъ обмоткахъ, и отъ ружья, мнѣ мнилось, тянулся ѣдкій дымокъ пороха. Сзади, дергая ушами, тянулся костлявый, кирасирскаго образца, высоченный конь. Потомъ я.

Въ мозгу, какъ теплая жилка, пульсировала ѣдкая строчка:

— «Сававъ, крестъ, да хоръ печальный»...

* * *

Послышался говоръ. Вотъ кучка людей; по одеждѣ солдатъ. Среди сапогъ темнѣетъ куча; талый ли снѣгъ въ грязи или глина?

Нѣтъ! Одинъ отодвинулся, и я увидалъ,—прямо въ глаза

«... Впереди шелъ человекъ въ черныхъ англійскихъ обмоткахъ, и отъ ружья, мнѣ мнилось, тянулся ѣдкій дымокъ пороха. Сзади, дергая ушами, тянулся костлявый, кирасирскаго образца, высоченный конь. Потомъ я...»

Тутъ я почувствовалъ сытный запахъ разстрѣляннаго, гарнаго пороха. Несомнѣнно такъ пахло отъ человека. Значитъ онъ стоялъ подлѣ тѣхъ, кто стрѣлялъ.

Могло пахнуть такъ и отъ ружья. Значитъ, онъ тогда стрѣлялъ.

словно мы всѣ тутъ въ чемъ то сговорились:

— Товарищъ, какъ же мнѣ дальше двигаться?

— А очень просто. Никто васъ не тронетъ.

вгрызлись

Я услыхалъ звонкое, ровное дыханіе. На мигъ я сошелъ съ ума.

Я услакаивалъ себя, чтобы не разрыдаться. Да! Мнѣ казалось, что дышитъ такъ недоустрѣленный.

влипла!—подкорченная рука.

Всѣ пальцы не впились, а какъ зубы, въ воздухъ.

звонкое, ровное

Не добить. Значить, что-бы на пролеткѣ не очнулся, и не ворочался въ ногахъ его при мнѣ прикончатъ и свидѣтелемъ убійства, просто — убійцей среди убійцъ, буду и я.

Наконецъ, я «воймалъ» ухомъ, даже сердцемъ остановившимся. Дышала такъ лошадь.

Какъ ужасно! Человѣческое дыханіе! Можетъ быть она все понимаетъ или это начало заболѣванія — спать.

воротни, облицованной бѣлыми кирпичами.

3.

Оцѣпенѣло я двигался позади, среди торцовой мостовой. Рядомъ со мной шелъ тотъ, кто проницески предлагалъ мнѣ провожать меня. Онъ заговорилъ, хотя я и не взглянулъ на него:

— Нужно. Понимаете «нужно». Все погубятъ, если такъ съ ними... не дѣлать. Всѣхъ перочиннымъ ножикомъ

Усмѣхается. Тутъ поняли, что онъ проглотилъ камень.

Перстень вернули потерпѣвшему и сказали: «Заѣзжайте завтра за камнемъ».

Говорившій опять внимательно поглядѣлъ на меня:

— Всѣхъ мы на островѣ прикончили, а этого, съ камнемъ въ желудкѣ, привезли къ себѣ и стали терпѣливо ждать, пока желудокъ его не исполнитъ свою работу. Его желудокъ, какъ заведенные

часы, пока не отдастъ алмазъ, сохранялъ ему жизнь.

Потомъ нашли камень, помыли и вернули хозяину, а парня разстрѣляли. Онъ глу-

«...Начали ихъ поднимать. Движенія мертвецовъ были плавны...»

Я улыбнулся. Ну, вотъ новаго страха не будетъ. Значить, я и въ смерти не виноватъ. Какъ легко человѣческой совѣсти отвертѣться отъ отвѣта, какъ шуллеру съ картой, вылетающей изъ подъ манжеты.

Начали ихъ поднимать.

Движенія мертвецовъ были плавны. Члены налиты кровью, которая очевидно еще бѣгаетъ по жиламъ, какъ въ механизмѣ, не совсѣмъ испорченномъ.

Крови не видалъ. Было темно. Небо освѣтлѣло. Но земля еще лежала въ чернотѣ.

Одинъ изъ улегшихся на пролетку былъ въ кунтушѣ, съ шнуровыми перехватами на груди. Щеголь. Тоже налетчикъ.

Пролетка, скрежеща огруженными колесами, увезла пятерыхъ: вооруженнаго, извозчика и троихъ казенныхъ у под-

перетяпаютъ. Всю столицу. Звѣри!.. Изъ ночи въ ночь такъ...

Я молчалъ. Онъ съ неодобреніемъ взглянулъ на меня, видимо не зная, какъ я отношусь къ его разсказу.

— Всякіе случаи бываютъ. Вотъ въ концѣ Литейнаго — клубъ.

Ворвались такіе. Ограбили. Дамъ согнали въ буфетъ, всѣхъ раздѣли.

У одного палецъ вывихнули, срывая перстень съ огромнымъ камнемъ-алмазомъ. Мы удачно подоспѣли и задержали.

Опросили потерпѣвшихъ. Тотъ воетъ, держится за болтающійся, какъ сосиска, палецъ и показываетъ на одного изъ молодцевъ. Обыскали и въ жилетномъ карманѣ нащупали опустѣвшій перстень съ разведенными въ стороны державками, усиками.

млся во дворѣ: «Охъ жаль, что миндальныхъ капель не принялъ. Тогда бы вамъ долго ждать моего...»

Здоровякъ! Мы его уложили. Жаль. Вродѣ отсрочки. Изъ-за камня отсрочку и дали.

Если бы не ждать, нужно было бы доктора приглашать, брюхо рѣзать, въ кишкахъ копать. А тутъ просто... Камень отмыли, а его пристрѣлили... А теперь идите смѣло. До свиданія! Намъ спасибо скажете. Расчистили городъ. Мало ихъ теперь...

Онъ тѣнью растаялъ въ темнотѣ. Только голубой лучъ неба кротко и долго игралъ на дулѣ ружья, болтающагося въ перевернутомъ видѣ у разрѣза шинели сзади...

Л. П.